САША ЧЕРНИКОВА

ПРЕДАТЕЛЬ, ВЕРНУВШИЙСЯ *с того света*

Саша Черникова

Предатель, вернувшийся с того света

https://litres.ru/74183957
SelfPub; 2026

Аннотация

Я похоронила мужа, оплакала его, научилась без него жить.

А потом он постучал в мою дверь.

– Наташа, быстро собирайся. Нужно продать квартиру. Иначе нас всех убьют.

Я думала, хуже предательства уже ничего не бывает.

Ошиблась.

Пока я одна растила сына, выплачивала его долги и слушала обвинения свекрови, Семён был живее всех живых. Он инсценировал собственную смерть, скрывался от бандитов и успел завести другую женщину.

Теперь преступники требуют расплаты, а единственный человек, готовый защищать меня и моего сына, – лучший друг мужа.

Но есть тайна, способная разрушить всё. Тайна, которую я скрывала шесть лет.

И когда она всплывёт, наши жизни перевернутся с ног на голову.

Содержание

Глава 1. Наташа	4
Глава 2. Наташа	11
Глава 3. Давид	19
Глава 4. Давид	25
Глава 5. Давид	31
Глава 6. Наташа	37
Глава 7. Наташа	45
Глава 8. Давид	55
Глава 9. Давид	63
Глава 10. Наташа	71
Глава 11. Наташа	78
Глава 12. Давид	86
Глава 13. Давид	92
Глава 14. Наташа	100
Глава 15. Наташа	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Саша Черникова
Предатель, вернувшийся с того света

Глава 1. Наташа

– В каком году началась Отечественная война с Наполеоном?

На меня смотрели двадцать восемь лиц, и на каждом читалась своя версия ответа. У кого-то растерянность, у кого-то надежда, что я сейчас сама всё скажу, а у Саши Крылова – привычная уверенность человека, которому исторические даты совершенно не нужны для счастливой жизни.

С задней парты донёсся осторожный шёпот:

– В тысяча девятьсот сорок первом.

Я закрыла глаза и досчитала до трёх.

– Крылов, если Наполеон напал на Советский Союз в тысяча девятьсот сорок первом году, то на кого тогда, по-твоему, напал Гитлер?

Класс захихикал. Саша почесал затылок, старательно изображая мыслительный процесс.

– Французы?

– Садись. Два.

– Наталья Ивановна, ну за что сразу два? Я же хотя бы век почти угадал.

– Ты ошибся на сто двадцать девять лет.

– Для истории это разве много?

Я хотела возмутиться, но не выдержала и улыбнулась. На задних партах засмеялись уже громче, и напряжение, висевшее в классе с начала урока, немного отпустило.

– Записываем: тысяча восемьсот двенадцатый год. И если завтра кто-нибудь снова отправит Наполеона воевать с Гитлером, я приглашу ваших родителей на открытый урок.

Угроза подействовала лучше любой контрольной. Даже Крылов вытащил тетрадь.

Я повернулась к доске, написала дату и почувствовала, как в кармане пиджака завибрировал телефон.

Наверняка Семён.

Сердце привычно дёрнулось, а потом забилось быстрее. Я ждала его звонка со вчерашнего вечера. Он обещал вернуться к ужину, но не вернулся. В два часа ночи прислал короткое сообщение: «Не жди, дела».

Какие дела могут быть у безработного мужчины в два часа ночи, я старалась не думать.

Последние полгода наша жизнь в принципе состояла из вещей, о которых я старалась не думать: о пропавших деньгах, о звонках с незнакомых номеров, о том, почему Семён вздрагивает, когда кто-то останавливается возле нашей двери, о том, куда исчезли серьги, подаренные мне мамой на

свадьбу.

Серьги я нашла в приложении ломбарда, открытом на его телефоне. Случайно, конечно. В нашей семье всё плохое в последнее время обнаруживалось случайно.

– Наталья Ивановна, а можно выйти?

Я обернулась. У первой парты стояла Полина, прижимая ладонь к животу.

– Иди.

Телефон снова завибрировал. Я вытащила его, быстро посмотрела на экран и едва заметно выдохнула.

Не Семён.

«Неизвестный номер».

Я отклонила звонок и продолжила урок, хотя внутри уже поселилось знакомое неприятное ощущение. Так бывало каждый раз, когда звонили неизвестные. Мне начинало казаться, что сейчас мужская грубоватая речь сообщит очередную сумму, которую мой муж кому-то должен.

После третьего звонка я выключила звук.

До конца урока оставалось ещё пятнадцать минут, но мысли были уже далеки от истории. Я рассказывала о Бородинском сражении, а сама вспоминала, как утром Максим спросил, придёт ли папа сегодня домой.

Я ответила, что придёт. В последнее время я слишком часто врала пятилетнему ребёнку.

Звонок прозвенел резко, заставив меня вздрогнуть.

– Параграф двадцать три, вопросы после текста, – объяви-

ла я, перекрывая шум собирающихся учеников. – Крылов, тебя это тоже касается.

– А я уже понял главное, – отозвался он, запихивая учебник в рюкзак. – Наполеон был раньше Гитлера.

– Есть надежда, что к концу года ты доберёшься до древнего мира.

Последний ученик вышел, и я опустилась на стул. За дверью гудел коридор, кто-то бегал, кто-то спорил, кто-то звал классного руководителя, а я смотрела на погасший экран телефона.

Семён не звонил, зато неизвестный номер оставил два пропущенных.

– Ты опять сидишь с таким лицом, будто декабристы восстали прямо в учительской и требуют отменить педсовет.

Люба вошла в мой кабинет без стука, поставила на край стола два бумажных стаканчика и придвинула один ко мне.

Она преподавала русский язык и литературу, носила яркие платья даже в ноябре и обладала редким талантом говорить правду так, что за неё не хотелось обижаться.

– Я просто устала.

– Не просто. Просто устала я, потому что проверила двадцать семь сочинений на тему нравственного выбора, а ты сидишь бледная и каждые десять секунд смотришь на телефон.

Я обхватила ладонями стакан.

– Семён вчера не ночевал дома.

Люба вздохнула и села на первую парту.

– Как-то объяснился?

– Что у него дела.

– Какие?

– Не знаю.

– Ты спрашивала?

– Конечно, спрашивала. Он сказал, что потом объяснит.

– Наташ, я сейчас скажу неприятную вещь.

– Ты всегда так начинаешь, а потом говоришь что-нибудь совсем ужасное.

– Потому что приятные вещи ты и без меня знаешь. Семён опять играет?

Я посмотрела на дверь, словно боялась, что нас услышат ученики.

– Он сказал, что завязал.

– Он это говорил в прошлом месяце. И в позапрошлом. А ещё перед Новым годом, после того как вы остались без денег на продукты.

– Он вернул тогда всё.

– Давид привёз вам продукты.

Я резко подняла глаза.

– Сёма сказал, что это он попросил.

– Конечно. Какая разница, кто заработал деньги, если попросил Сёма?

– Люба, не начинай.

– Я не начинаю, Наташ. Я пытаюсь понять, как долго ты

собираешься делать вид, что всё нормально?

– А что ты предлагаешь? Выгнать его? Отца моего ребёнка?

Последние слова обожгли язык. Я произнесла их уверенно, почти резко, хотя знала правду лучше всех.

Семён не был отцом Максима.

Отцом был Давид.

Эту тайну я носила в себе почти шесть лет, и она не становилась легче. Наоборот, с каждым днём, с каждым взглядом на сына она будто набирала вес.

Максим был похож на Давида. Не настолько, чтобы это бросалось в глаза посторонним, но достаточно, чтобы я замечала. Та же ямочка на подбородке, тот же разлёт светлых бровей, та же привычка щуриться, когда он сердится.

Я знала, кто его отец, ещё до рождения. Сроки не оставляли места для надежды или ошибки.

Одна ночь.

Одна ссора с Сёмой за неделю до свадьбы.

Одна шипучая бутылка, которую мы с Давидом выпили на кухне его съёмной квартиры.

Я плакала, он утешал. Говорил, что Семён меня не заслуживает, а я злилась, защищала человека, от которого только что ушла, потом вдруг спросила, почему Давид никогда не смотрит мне в глаза.

Он посмотрел.

Лучше бы не смотрел.

Утром я сбежала, а вечером помирилась с Семёном. Он поклялся, что больше никогда не будет играть, и я ему поверила. Потом была свадьба, две полоски и осознание, от которого меня тошнило сильнее, чем от токсикоза.

Я любила двоих мужчин и врала им обоим.

Глава 2. Наташа

– Наташ?

Я моргнула и увидела, что Люба внимательно на меня смотрит.

– Что?

– Ты сейчас вообще где была?

– Здесь.

– Нет, здесь была только твоя оболочка. Всё остальное ушло куда-то очень далеко.

– Просто думаю, что делать.

– Для начала позвони мужу.

Я набрала номер Семёна. Длинные гудки тянулись один за другим. Я уже хотела отключиться, когда он, наконец, ответил.

– Да.

Голос был раздражённым, словно это я пропала на всю ночь, а теперь отвлекала его от важных дел.

– Сёма... Сёма, ты где?

– Занят.

– Я поняла, что не на курорте. Ты почему не пришёл домой?

– Наташ, давай не сейчас.

– А когда? Ты вечером обещал вернуться. Максим тебя ждал.

– Я сказал, не сейчас.

– Ты опять играл?

В трубке стало тихо. Люба подняла брови. Я отвернулась к окну.

– Кто тебе сказал?

– Значит, играл.

– Я не говорил, что играл.

– Но и не сказал, что нет.

– Господи, Наташа, ты можешь хотя бы один день не выносить мне мозг? У меня проблемы, я пытаюсь их решить.

– Какие проблемы?

– Мужские.

– Очень удобный ответ. Особенно для человека, который не ночует дома и не объясняет жене, где был.

– Я скоро приеду.

– Когда?

– Скоро.

Он отключился, я медленно опустила телефон.

– Скоро – это когда? – спросила Люба.

– Судя по нашему браку, в промежутке от двух часов до трёх суток.

– Поехали сегодня ко мне? Заберём Максимку из сада, закажем пиццу, и ты хотя бы один вечер не будешь сидеть у окна.

– Не могу. Вдруг Семён вернётся.

Люба посмотрела на меня так, словно решала, стоит ли

говорить всё, что она думает.

– Он знает, что ты всегда будешь ждать. Поэтому и позволяет себе всё это.

Я едва не застонала. Иногда поддержка подруги была похожа на наждачную бумагу. Больно, зато сдирала всё лишнее.

После уроков я забрала Максима из сада. Он выбежал ко мне с рисунком в руках и сразу спросил:

– Мама, а папа дома?

– Пока нет.

– А вечером будет?

Я присела, поправила ему шапку и поцеловала в щёку.

– Надеюсь.

– Он обещал собрать со мной танк.

– Соберёт.

Ещё одна ложь.

Максим по дороге рассказывал про утренник, про Вадика, который толкнул Дашу, и про суп, в котором плавал «подозрительный зелёный лист». Я слушала, отвечала, улыбалась, а сама думала о Семёне.

Он умел быть другим. Когда мы познакомились, он был весёлым, щедрым, надёжным. Мог ночью приехать через весь город, если я говорила, что мне страшно идти домой. Мог отдать последнюю куртку замёрзшему приятелю, а потом неделю ходить в тонком свитере. У него были сильные руки, громкий смех и привычка целовать меня в макушку,

когда думал, что я сплю.

Я любила того Семёна.

Наверное, именно поэтому столько лет пыталась найти его в человеке, который возвращался домой под утро, прятал телефон и занимал деньги у всех, кто соглашался дать в долг.

У подъезда стояла чёрная машина.

Я заметила её сразу, потому что обычно возле нашего дома парковались старенькие иномарки, соседские «Лады» и одна древняя «Газель», которую дядя Коля не заводил уже второй год, но упорно отказывался сдавать на металлолом.

Из машины вышли двое мужчин. Один высокий, в тёмном пальто, второй пониже, широкоплечий, с бритой головой. Они направились прямо к нам.

Я крепче взяла Максима за руку.

– Смирнова Наталья Ивановна? – спросил высокий.

– Да. А вы кто?

Он улыбнулся. Вежливо, почти доброжелательно, но от этой улыбки у меня между лопаток пробежал холод.

– Нам нужно поговорить с вашим мужем.

– Его нет дома.

– Мы знаем.

Бритоголовый посмотрел на Максима. Задержал взгляд дольше, чем требовалось. Я инстинктивно заслонила сына собой.

– Все вопросы к Семёну. Я не знаю, где он.

– Зато он знает, где мы, – спокойно ответил высокий. –

Передайте, что срок истёк вчера.

– Какой срок?

– Он поймёт.

– Мама, а кто это? – тихо спросил Максим.

– Знакомые папы.

Мужчина в пальто снова улыбнулся.

– Да, малыш. Мы с твоим папой очень хорошо знакомы.

Мне захотелось взять сына на руки и бежать, хотя до подъезда оставалось всего несколько шагов.

– Сколько он вам должен? – спросила я.

– Семён Викторович не рассказывал?

– Если бы рассказывал, я бы не спрашивала.

Мужчины переглянулись.

– Два миллиона восемьсот тысяч.

Я не сразу поняла смысл произнесённых слов. Цифры прозвучали, но никак не складывались в сумму, которую мог задолжать мой муж.

– Вы ошиблись.

– Было бы неплохо.

– У нас нет таких денег.

– Квартира есть.

Я почувствовала, как у меня немеют пальцы.

– Квартира принадлежит мне.

– Семейные люди обычно решают проблемы вместе.

– Это не моя проблема.

– Вы жена Семёна, Наталья Ивановна. Значит, теперь ва-

ша.

Бритоголовый сделал шаг ближе, и Максим прижался к моей ноге.

– Не подходите к ребёнку, – сказала я, удивившись тому, насколько твёрдо прозвучал мой голос.

Высокий положил ладонь товарищу на плечо, останавливая.– Мы не хотим никого пугать. Пока. Просто передайте мужу, чтобы он вышел на связь до завтрашнего вечера. Иначе разговор будет другим.

Они развернулись и ушли.

Я стояла возле подъезда, не чувствуя холода. Максим тянул меня за руку, спрашивал, почему мы не идём домой, а я смотрела, как чёрная машина выезжает со двора.

Два миллиона восемьсот тысяч.

У меня оставалось семь тысяч до зарплаты, кредит за кухню и пятьсот рублей в кармане.

В квартире я первым делом закрыла дверь на оба замка, потом проверила, заперты ли окна. Максим убежал в комнату к игрушкам, а я набрала Семёна.

Абонент оказался недоступен.

Я позвонила ещё раз, потом ещё. Результат не изменился.

Руки дрожали так сильно, что телефон едва не выпал. Я хотела набрать Любу, но палец остановился над её именем. Она приедет, начнёт успокаивать, предложит вызвать полицию, забрать Максима и уехать. Всё правильно. Всё разумно.

Но мне нужен был человек, который знал Семёна лучше

меня.

Я нашла другой номер.

Давид ответил после первого гудка.

– Наташа?

От одного его голоса стало немного легче, и это напугало меня не меньше, чем люди у подъезда.

– Давид, ты не знаешь, где Семён?

– Нет. А что случилось?

Я прижала ладонь ко рту, пытаясь собраться.

– К нам приходили двое мужчин. Сказали, что он должен им почти три миллиона. Они смотрели на Максима, Давид. Они специально смотрели на него и говорили, что завтра разговор будет другим.

– Запрись на все замки.

– Я заперлась.

– Никому не открывай. Я сейчас приеду.

– Не надо, я просто хотела узнать...

– Наташа, послушай меня внимательно. Никому не открывай и не выходи из квартиры. Я буду через двадцать минут.

Он отключился.

Я опустилась на кухонный стул и посмотрела на фотографию, висевшую на холодильнике. На ней мы были втроём: я, Семён и Максим. Счастливая семья на фоне новогодней ёлки.

Семён обнимал меня за плечи и улыбался, а Максим сидел у него на руках.

Только теперь, глядя на фотографию, я впервые ясно увидела то, что так долго боялась признать.

В нашу семью снова ехал настоящий отец моего сына.

А человек, которого Максим называл папой, оставил нас разбираться с его долгами.

Глава 3. Давид

Я смотрел на таблицу дежурств уже минут десять, но перед глазами плыли не фамилии – перед глазами стояла пустота. Семён не брал трубку с утра. Сначала я психовал, потом начал придумывать оправдания: спит, разрядился, забил на звонки, потому что знает, что я буду орать. Он умел исчезать, когда надо было отвечать за базар. За последние годы я научился не дёргаться по пустякам.

Но сегодня меня трясло. Не от холода, нет. От какого-то животного чутья, которое никогда не подводило.

Днём позвонил знакомый из охраны подпольного клуба. Сказал, что Смирнов влетел по-крупному. Сумму не называл, но голос у него был такой, будто он сообщает о смерти. Я ещё пытался себя успокоить: ну, проиграл пару сотен, бывает, отдаст, отработает. Я сам ему помогу, если что. Семён же мой друг, я его из любой жопы вытаскивал. Но когда знакомый шепнул цифру, у меня встали волосы дыбом.

Три миллиона.

Я переспросил, подумал, что ослышался. Он повторил. И тогда я понял, что Семён либо свихнулся окончательно, либо решил, что он бессмертный. Три миллиона – это не проигрыш. Это самоубийство.

А потом позвонила Наташа.

Её голос в трубке звучал так, будто она стояла на краю

обрыва. Она пыталась говорить спокойно, по-учительски, но слёзы душили её, и каждое слово давалось с трудом.

– Давид... они смотрели на Максима.

Я замер. Сердце пропустило удар.

– Кто?

– Эти люди. Кредиторы Семёна. Они стояли возле подъезда и смотрели. Специально смотрели на него, Давид. На Максима. – её голос дрогнул, и я услышал, как она всхлипнула. – Я не знаю, что им надо. Я не знаю, на что они способны.

У меня потемнело в глазах. Я сам себя не узнал. Я представил Максима. Его светлые волосы, которые так и светились на солнце. Тонкую шею над воротником куртки. Маленькую ладошку, которую он всегда вкладывал в мою, когда мы гуляли. И меня накрыло такой яростью, что перед глазами всё поплыло.

– Я сейчас приеду.

– Не надо, – попыталась возразить она. – Я просто хотела спросить, не знаешь ли ты, где Семён...

– Я не знаю. Но я его найду.

– Давид...

– Я буду через двадцать минут.

Я отключился, не дав ей сказать ни слова. Схватил куртку, даже не застегнув её, и вылетел в коридор. Лёха Воронов – мой зам, мужик, который знал меня как облупленного – как раз нёс две кружки кофе. Отшатнулся, едва не пролил.

– Ты куда? У нас через полчаса совещание!

– Прикрой меня.

– Командир тебя прикроет, но только крышкой гроба. Что случилось-то?

Я остановился. Семён раньше служил с нами, причём не один год, но Лёха знал Смирнова ещё с тех времён, когда мы втроём пропадали в гаражах, пили дешёвое пиво и считали себя бессмертными. Лёха видел, как Семён меняется, но никогда не лез в наши дела.

– Смирнов влез в долги, – сказал я коротко.

– Опять?

– На три ляма.

Лёха присвистнул так, что кофе чуть не выплеснулся из кружек.

– Ну, ёпрст... Это он уже совсем головой поехал. И где он сейчас?

– Не знаю. К Наташе пришли. Напугали её. И ребёнка.

Улыбка с его лица исчезла в ту же секунду. Лёха поставил кружки на подоконник, и его глаза стали колючими.

– Помощь нужна?

– Пока нет. Найди мне адрес клуба, где он играл последние недели. И пробей машину – чёрную, с тонировкой. Наташа номера не запомнила, но она стояла возле их дома сегодня.

– Без номера я тебе что пробью?

– Камеры во дворе есть. Позвони Жоре, он живёт в сосед-

нем подъезде и знает участкового.

Лёха внимательно посмотрел на меня. И хотя я знал, что он хочет спросить ещё что-то, спорить не стал.

– Хорошо. Езжай. Я скажу, что тебя вызвали по семейным обстоятельствам.

– По чужим, – поправил я.

– Ну да. По чужим, – усмехнулся он, но усмешка вышла кривой.

Я ничего не ответил. Лёха знал всё, но никогда не задавал лишних вопросов. Мы слишком долго прослужили вместе, чтобы лезть в душу друг другу.

До дома Смирновых я долетел за семнадцать минут. Нарушил дважды, проскочил на жёлтый, и всю дорогу судорожно жал на кнопку вызова, вдавливая палец в экран телефона. Семён не отвечал.

Я знал его как свои пять пальцев, зал, как он думает. Сначала он проигрывает свои, потом начинает брать в долг, думая, что отыграется. Потом влетает по-крупному, и вместо того чтобы остановиться, лезет в ещё большую петлю. Он всегда верил, что судьба обязана дать ему ещё один шанс. В училище это называли смелостью. Сейчас я понимал – это была просто тупая безответственность, которая маскировалась под удаль.

Я остановился возле их дома. На площадке никого не было. Я осмотрел двор, проверил каждый угол, каждую тень. Никого. Только качели скрипели на ветру, да где-то лаяла

собака.

Поднялся пешком на четвёртый этаж. Наташа открыла не сразу. Я слышал, как она спросила "кто там?", как возилась с замками, которые ей не сразу поддались. Два замка, цепочка.

Когда дверь распахнулась, я увидел её лицо, и внутри меня всё оборвалось.

Она была бледная, как бумага. Глаза красные, опухшие, под ними залегли синяки. Волосы выбились из хвоста и липкими прядями прилипли к вискам. Она всё ещё была в строгом школьном костюме – белая блузка, тёмный пиджак, но пиджак уже снят, рукава закатаны до локтей, на коже – красные пятна от нервного расчёсывания. Наташа всегда чесала запястья, когда была на нервяке.

– Ты быстро, – сказала она.

– Где Максим?

– В комнате. Я включила ему мультики.

Я вошёл, захлопнул дверь, сам проверил замки. Потом подошёл к окну, выглянул во двор, проверил, не стоят ли там те, кто смотрел на моего мальчика. Никого.

– Они заходили в подъезд?

– Не знаю, – ответила она, обхватив себя руками. – Мы говорили у подъезда.

– Как выглядели?

Она описала их. Обычные исполнители. Крепкие, в чёрных куртках, с тупыми, злыми лицами. Люди, которых посылают напугать. Настоящий хозяин долга не ездит по дворам,

не караулит чужих жён. Он сидит в своём кабинете и ждёт, когда ему принесут бабки.

– Они назвали какие-то имена?

– Нет.

– Машина?

– Чёрная. Большая. Тонированная.

– Марка?

Она посмотрела на меня с усталой досадой. Её глаза блеснули.

– Давид, я в машинах разбираюсь примерно так же, как ты в методике преподавания истории. Чёрная, блестящая, с тонированными стёклами. Всё.

– Ладно. Я узнаю.

– Как?

– Не важно.

– Нет, важно, – сказала она, и её голос вдруг стал твёрже. – Я не хочу, чтобы ты тоже во что-то ввязывался из-за Семёна.

– Поздно.

Она отвернулась. Я сразу пожалел о том, как это прозвучало. Но не успел сказать ничего – из комнаты выбежал Максим.

В одной руке он держал игрушечный танк, в другой – пластмассовую отвёртку из детского набора. Его глаза засияли, когда он увидел меня.

– Дядя Давид!

Глава 4. Давид

Максим бросился ко мне и обхватил мои ноги. Я положил ладонь на его макушку, и под пальцами заструился шёлк волос, пахнущих детским яблочным шампунем.

Наташа замерла рядом. Я слышал, как она перестала дышать – короткий, рваный вдох, и тишина. Она всегда так делала. Стоило мне задержать взгляд на пацанёнке, стоило взять его на руки, стоило просто прикоснуться – она превращалась в соляной столб, в натянутую струну, которая ждала, что я ударю. Ударю вопросом, который висел между нами шесть лет, как ржавый топор над головой.

Я никогда не спрашивал, и она никогда ничего не говорила.

Шесть лет мы жили рядом с правдой, которая душила нас обоих. Мы носили эту правду в себе, как носили бы гранату с выдернутой чекой, молясь, чтобы однажды не споткнуться.

– Мы с папой будем собирать танк, – сообщил Максим, поднимая на меня серьёзные глаза. – Он обещал, только его всё нет. Мама говорит, что он придёт вечером.

Я посмотрел на Наташу. Она сжала губы и отвернулась.

– Может быть, начнём собирать, а твой папа потом к нам присоединится? – предложил я, чтобы поддержать мальчика.

– А ты умеешь? – недоверчиво спросил он.

– Я всё умею.

– Мама говорит, что так только хвастуны говорят.

– Да? Пожалуй, она права. Твоя мама очень умная.

– Она же учительница, – сказал он так серьёзно, будто это всё объясняло. – Хочешь, я покажу тебе новую пушку? Она стреляет далеко. Папа сказал, что научит меня стрелять из настоящей, когда я подрасту. Он сказал, что мальчики должны уметь защищать своих мам.

Кровь бросилась мне в голову. Я сжал зубы так, что они заныли. Он учил моего сына защищать мать? Он? Человек, который жил за счёт Наташи, тратя все деньги на водку и карты?

– Очень хочу, но потом ты пойдёшь играть. Мне нужно поговорить с мамой. – Я сглотнул вязкую слюну, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле.

Максим потащил меня в комнату. На полу валялись детали конструктора, машинки, книги, разобранная железная дорога. Максим уселся на ковёр, выложил передо мной танк и принялся подробно объяснять, где у него башня, почему колёса такие, и как он будет сокрушать врагов.

Я слушал его, но видел только руки. Те же длинные пальцы, те же широкие ногти. Такие руки были у меня в детстве. Мать говорила: пианист вырастет. Отец: только гайки крутить.

Максим поднял голову.

– Дядя Давид, а ты тоже на войну поедешь?

Вопрос ударил как пощёчина.

– Почему ты спрашиваешь? А кто ещё едет?

– Папа сказал, что поедет. Там много денег платят, и мы станем богатыми. Мама тогда перестанет грустить. Она всегда грустит, когда папа уходит. А когда он приходит – она плачет. Я не знаю почему, дядя Давид. Она же должна радоваться, да? Когда папа приходит, надо радоваться.

Я перевёл взгляд на Наташу, застывшую в дверях.

– Семён собирается подписать контракт?

– Он говорил об этом, – ответила она тихо. – Я думала, просто пугает.

– Когда говорил?

– Вчера. Перед тем как уйти. Он был пьяный и злой, и он кричал, что мы нищие, что я не умею беречь деньги, что он устал от такой жизни. А потом он взял куртку и ушёл. Я думала, он остынет. Думала...

Я встал, сжав кулаки. Внутри меня закипала такая злоба, что я боялся сказать лишнее при Максиме.

– Максим, поиграй пока один, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Мы с мамой будем на кухне.

– А танк?

– Соберём. Как я и обещал.

Он кивнул и снова уткнулся в конструктор. На кухне Наташа поставила чайник. Руки у неё всё ещё ходили ходуном, и она сжала их, пытаясь унять эту дрожь.

– Тебе чай или кофе?

– Ничего.

– Мне нужно чем-то заняться, Давид. Дай мне заняться чем-то, иначе я сойду с ума.

– Тогда чай.

Она повернулась к шкафчику, достала кружки, открыла дверцу. И вдруг застыла. Я видел, как её плечи напряглись.

– Здесь деньги лежали, – сказала она, не поворачиваясь ко мне.

– Какие деньги?

– Двадцать тысяч. На садик, на коммуналку, на обувь Максиму. Я откладывала.

Она начала лихорадочно открывать ящики, проверять коробки с крупой, заглядывать за банки. Делала это быстро, нервно, хотя прекрасно понимала, что деньги не могли сами переползти в другое место. Или испариться.

– Сёма забрал, – произнесла она. Я промолчал. Что тут скажешь? – Он знал, где они лежат. Больше никто не знал.

Она повернулась ко мне, и в её глазах больше не было слёз. Только пустота и обречённость.

– Позвони в банк, – сказал я.

– Зачем?

– Проверь карты. Возможно, он взял не только наличку. У него есть доступ к твоим кредиткам?

– Есть, но он не мог. Он бы не взял наши деньги. Он же знает, что мы не можем себе позволить... Он же не дурак, Давид. Он знает, что если он заберёт всё, мы не выживем. Мы просто не выживем. А Максим... он любит Максима. Он

правда любит его, я видела...

– Наташа. Проверь.

Она смотрела на меня, и я видел, как борются в ней надежда и страх. Потом она достала телефон, открыла приложение банка. Её лицо медленно теряло краски.

– С кредитной карты снято сто пятьдесят тысяч, – прошептала она.

– Когда?

– Вчера вечером.

– Есть ещё карты?

– Одна. Пустая.

– Проверь.

– Там же ничего нет...

– Наташа.

Она послушно открыла приложение другого банка, и её глаза расширились.

– Он увеличил лимит. На триста тысяч. Как он это сделал? Я не понимаю, Давид...

– Деньги сняты?

– Да.

Я выругался не сдерживаясь.

– Не выражайся при ребёнке, — автоматически одёрнула она.

– Ребёнок в другой комнате!

– Всё равно.

Даже в этом аду она оставалась учительницей, матерью,

человеком, который цеплялся за остатки привычного порядка. Пока её муж выгребал из дома всё, что было можно.

Глава 5. Давид

– Всего он забрал почти полмиллиона, – сказала Наташа. – И всё равно должен почти три. Как можно проиграть столько за одну ночь?

– Не за одну. Он играл давно.

Она посмотрела на меня, и в её глазах мелькнуло что-то ледяное.

– Ты знал?

– Знал, что он снова начал играть. О сумме не знал.

– Почему ты не сказал мне?

– Я говорил с ним. Не раз.

– Я спросила не об этом, Давид. Почему ты молчал?

Я не мог выдержать её взгляда.

– Потому что он просил не лезть в его семью, – ответил я, чувствуя, как слова вязнут в горле. – Сёма сказал, что сам всё решит.

– И ты поверил?

– Нет.

– Тогда почему?

Я посмотрел ей в глаза. Правильный ответ был простым: потому что я боялся любого разговора с ней. Боялся, что она спросит, почему мне не всё равно. Почему я помню, какой кофе она пьёт, почему она всегда зябнет, даже летом, почему у неё болит голова от сладких духов. Боялся того, что она

увидит в моих глазах то, что я носил в себе много лет.

– Я думал, что справлюсь с ним сам, – выдохнул я. – Сумею его убедить в том, что ставки – болото.

– Отлично справился.

– Наташ...

– Нет, правда. Один муж проигрывает всё, что мы нажили, второй его прикрывает. – Её голос дрожал от гнева. – Прекрасная мужская дружба.

– Я его не покрывал.

– А как это называется? Ты знал, что он снова играет! Знал, что он тащит деньги из дома, и ничего мне не сказал! Ты ведь видишь, как я живу! Как мы живём! Дырявые сапоги, дешёвые продукты. И ты молчал?!

– Он взрослый человек! Я не могу следить за ним круглосуточно!

Она встала из-за стола, хотела уйти, но я перехватил её за запястье. Мой хват был сильнее, чем я думал.

Она замерла. Я чувствовал, как под моей ладонью бешено бьётся её пульс. Чувствовал тепло её кожи, слышал её дыхание. Я сразу отпустил, но прикосновение уже сделало своё дело. В моей голове вспыхнула та ночь. Шесть лет назад. Её волосы на моей подушке, её глаза, её стоны.

– Прости, – сказал я хрипло. – Ты права. Я должен был предупредить тебя.

– Я не понимаю, что мне делать, – сказала она, обхватив себя руками. – Если я обращусь в полицию, Сёму посадят?

– За долги не сажают. Но неизвестно, кому он должен и во что успел влезть.

– Они сказали продать квартиру.

– Не думай об этом. Ничего продавать не нужно.

– А если они вернутся? Если они придут к Максиму?

– До этого не дойдёт.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я найду его раньше, чем они сделают следующий шаг.

Телефон завибрировал. Лёха. Я вышел в коридор, чтобы Наташа не слышала.

– Говори.

– Нашёл клуб, – сказал Лёха. – За старым рынком, вывески нет, вход со двора. Смирнов был там до четырёх утра.

– Один?

– Пришёл один. Уехал с мужиком. Камеры есть, но записи мне пока не дают.

– Имя хозяина?

Лёха замялся.

– Аркадий Лисицын. Кличка Лис.

У меня похолодело внутри. Я слышал это имя. Лисицын держал несколько подпольных залов, давал деньги под дикие проценты и умел превращать человека в труп. Один из его должников продал квартиру матери, а потом попытался ограбить офис. Его нашли в реке.

– Ты уверен?

– К сожалению.

– Узнай, с кем он уехал.

– Давид, – голос Лёхи стал жёстким, – один не лезь. Это не картёжники возле гаражей.

– Я понял.

– Соколов, я слышу, что ни хрена ты не понял.

Я отключился и вернулся на кухню. Наташа стояла у окна, глядя в стекло. Её отражение – бледное, искажённое – казалось призраком.

– Нашёл? – спросила она.

– Нашёл, где он играл.

– Я поеду с тобой.

– Нет.

– Это мой муж, Давид!

– Именно поэтому ты останешься здесь. С Максимом.

– Не решай за меня!

– Я не решаю. Я говорю, что там может быть опасно.

– А здесь безопасно?! – Её голос сорвался на крик. – Час назад здесь стояли люди и угрожали моему сыну!

Я подошёл к ней.

– Сегодня они не вернутся. Их задача была запугать. Но сегодня я останусь здесь, на ночь.

Она резко повернулась ко мне. Её глаза горели.

– Не надо!

– Надо.

– Семёну это не понравится.

– Мне плевать, что ему понравится. – Я едва сдерживал ярость, голос дрожал. – Сейчас мне плевать, что он думает. Я не позволю никому угрожать тебе и Максиму.

В её глазах мелькнуло удивление. Потом усталость, огромная, бездонная усталость.

– Вы поссоритесь.

– Мы уже поссорились. Он просто ещё не знает.

Из комнаты выбежал Максим.

– Дядя Давид, ты обещал танк!

– Помню.

– Мама говорит, обещания надо выполнять.

Я посмотрел на Наташу. Она опустила глаза.

– Твоя мама права, – сказал я, и голос сорвался, потому что я сказал это не ему. Я сказал это себе. – Особенно когда обещает тот, кто должен заботиться о семье.

Максим потащил меня в комнату. Я сел на ковёр, взял в руки детали танка, и в этот момент телефон завибрировал.

Сообщение с незнакомого номера. Фотография.

Семён. Сидит в подвале. Лицо разбито, губа рассечена, руки связаны. Рядом – лист бумаги с адресом.

Под снимком текст:

«Приезжай один. Жене пока не говори».

Я поднял глаза. Наташа стояла в дверях. Она смотрела на меня, и я знал – она всё поняла по моему лицу.

– Что там? – спросила она.

Я спрятал телефон в карман.

– По работе.

Я солгал. Это было физически больно – врать ей. Прямо в глаза.

Но сказать правду – значило подвергнуть её и Максима смертельной опасности.

Я улыбнулся мальчику, взял в руки пластиковые детали и одновременно считал в уме, сколько времени мне нужно, чтобы добраться до этого адреса.

Семён снова вляпался. И снова ждал, что я его вытащу.

Только теперь он привёл опасность в дом, где жила женщина, которую я любил все эти годы. И мальчик, которого я не имел права называть сыном. Но которого готов был защитить ценой своей жизни.

Глава 6. Наташа

Я сразу поняла, что Давиду написали не по работе.

Я знала его слишком долго, чтобы не различать оттенки его молчания. Он умел сохранять ледяное спокойствие, когда вокруг рушился мир. Он мог говорить ровным голосом, даже когда внутри него всё кипело. Но в тот момент, когда он прочитал сообщение, его лицо стало серым, я видела, как дёрнулся кадык на его шее, когда он сглотнул. Видела, как он на секунду зажмурился, будто пытался стереть из памяти то, что увидел на экране.

Потом он спрятал телефон в карман, сел на ковёр рядом с Максимом и начал собирать игрушечный танк с таким видом, будто ничего не произошло.

Как же я завидовала хладнокровию Давида. Вот бы мне хоть десятую долю его самообладания. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня разрастается ледяной ком, который всегда появлялся, когда я знала правду, но не могла её доказать. Или когда мне врали в лицо.

– Давид, я знаю, как ты выглядишь, когда тебе пишут по работе. Ты начинаешь материться, забываешь, что рядом ребёнок, и пытаешься всех отправить в долгий путь. Ты не становишься тихим. И ты не прячешь телефон.

Теперь он поднял голову.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

– Что там было?

– Ничего страшного.

– Мы почти закончили, – объявил сын, поднимая корпус танка. – Осталось пушку поставить.

– Давай поставим, – ответил Давид.

– А потом ты никуда не уйдёшь? – спросил Максим.

– Мне придётся ненадолго отъехать.

– Ты же сказал, что останешься на ночь.

Давид перевёл взгляд на меня.

– Я вернусь.

– Куда ты собрался? – спросила я.

– Нужно кое с кем поговорить.

– С Семёном?

Он промолчал, и этого оказалось достаточно.

Я прошла в прихожую и встала возле входной двери. Через несколько минут Давид вышел из детской, прикрыл за собой дверь и посмотрел на меня с усталой досадой.

– Отойди, Наташа.

– Сначала покажи сообщение.

– Не начинай.

– Мне сегодня уже один мужчина сказал не выносить ему мозг, а потом выяснилось, что он украл у меня почти полмиллиона и должен бандитам ещё три. Поэтому теперь я буду начинать каждый раз, когда почувствую, что мне врут.

– Я тебе не вру.

– Ты сказал, что это по работе.

– Это неважно.

– Значит, всё-таки соврал.

Давид провёл ладонью по лицу.

– Я нашёл место, где играл Семён. Хочу съездить и поговорить.

– В одиночку?

– Да.

– С людьми, которые приходили к моему дому и угрожали ребёнку?

– Они не угрожали напрямую.

– Они смотрели на Максима и сказали, что следующий разговор будет другим. Тебе обязательно нужно услышать конкретные слова, чтобы понять смысл?

– Поэтому я и еду.

– Тогда я поеду с тобой.

– Нет.

– Это мой муж.

– А Максим твой сын. Ты останешься с ним.

Он сказал это слишком резко, и последнее слово больно задело что-то внутри.

Мой сын.

Не наш. Не Семёна. Не Давида.

Мой.

– Не разговаривай со мной как со своей подчинённой, – тихо произнесла я.

Давид прикрыл глаза.

– Прости. Я не хочу тебя обидеть, но там опасно. И если ты сейчас будешь спорить только потому, что тебе надоело сидеть дома, я всё равно не возьму тебя с собой.

– Мне не надоело сидеть дома. Мне надоело, что мужчины вокруг меня всё решают, а расплачиваться приходится мне.

– Я пытаюсь тебя защитить.

– Семён тоже говорит, что всё делает ради семьи.

– Не сравнивай меня с ним.

– Тогда скажи правду.

Он сунул руку в карман, но телефон не достал.

– Расскажу всё, когда вернусь.

– Почему не сейчас?

– Потому что я так решил.

Он подошёл, собираясь отодвинуть меня от двери, однако я упёрлась ладонью ему в грудь. Под тонким свитером чувствовались напряжённые мышцы, и от этого прикосновения меня будто отбросило на шесть лет назад.

Давид тоже замер, я сразу опустила руку.

– Покажи мне сообщение.

– Наташа…

– Покажи!

Я повысила голос и тут же услышала, как в детской перестали греметь детали конструктора.

– Мама? – позвал Максим.

– Всё хорошо, солнышко, – ответила я, не сводя глаз с Давида. – Мы просто разговариваем.

Сын снова зашуршал игрушками.

Давид достал телефон, но вместо сообщения набрал номер.

– Позвони Любе. Путь приедет и побудет с вами.

– Мне не нужна нянька.

– Нужна. Потому что я не уверен, что ты не решишь отправиться следом.

– Ты даже адрес мне не сказал.

– И не скажу.

Люба ответила после второго гудка.

– Привет, дорогая.

– Можешь приехать?

Её голос сразу изменился.

– Конечно. Максим заболел?

– Нет. Просто… можешь приехать?

– Уже одеваюсь.

Она не стала задавать лишних вопросов. В этом была вся Люба: могла полчаса читать мне лекцию о неправильных решениях, но, когда становилось по-настоящему плохо, сначала приезжала, а потом выясняла подробности.

Давид подождал, пока я закончу разговор.

– Я вернусь как можно быстрее.

Он надел куртку.

– Давид.

– Что?

Я боялась за него. Боялась, что с отцом моего ребёнка слу-

чится что-то ужасное. Мне хотелось встать перед дверью и не выпустить его. Вместо этого я спросила:

– Ты ведь не наделаешь глупостей?

– Это смотря что считать глупостью.

– Не лезь один против тех людей.

Давид перестал изображать спокойствие, шагнул ко мне и положил руки на плечи.

– Посмотри на меня, Наташа. Я привезу его домой. Закрой за мной дверь и не открывай, пока не приедет Люба. Потом открываешь только ей. Поняла?

– Да.

– Скажи нормально.

– Я поняла.

Его ладони задержались на моих плечах чуть дольше необходимого, а потом он ушёл.

Я закрыла дверь и осталась в прихожей, прислушиваясь к шагам на лестнице.

Через полчаса приехала Люба. Ворвалась в квартиру в распахнутом пальто.

– Рассказывай.

Я молча провела её на кухню и показала банковские приложения. Люба сначала смотрела на цифры, потом на меня.

– Он снял четыреста пятьдесят тысяч?

– Да.

– И ещё должен почти три миллиона?

– Да.

– Наташа, я правильно понимаю, что твой муж проиграл сумму, за которую можно купить квартиру в нашем городе?

– Всё так...

– Он откуда вообще собирался взять эти деньги?

– Не знаю.

– А Давид куда уехал?

– За Семёном.

– Значит, знает, где он.

– Наверное.

Люба долго молчала, потом встала и закрыла кухонную дверь.

– Я сейчас скажу то, за что ты на меня обидишься.

– Можешь пропустить вступление.

– Семён тебя погубит.

– Не говори так.

– А как говорить? Он украл деньги, оставил тебя с долгами и привёл к дому каких-то уголовников. У тебя ребёнок, Наташа. Ты имеешь право терпеть что угодно, пока это касается только тебя, но теперь под угрозой Максим.

– Я всё понимаю.

– Нет. Ты оправдываешь Семёна.

– Я не оправдываю.

– Тогда почему сидишь и думаешь, как его спасти?

Я опустила глаза на свои руки.

Потому что он был моим мужем. Потому что когда-то я поклялась быть рядом в горе и радости. Потому что чувство-

вала себя виноватой перед ним с самого начала нашего брака.

Сёма не знал, что растит не своего ребёнка.

Он любил Максима. Носил его ночами по квартире, когда резались зубы, учил кататься на велосипеде, сидел возле кровати, когда сын болел. Да, в последнее время он всё чаще отсутствовал, раздражался и обещал больше, чем выполнял, но отцом Максиму был именно он.

А я каждый раз, глядя на них вместе, вспоминала, что однажды предала мужа.

Возможно, поэтому прощала Сёме то, чего не простила бы другому.

Глава 7. Наташа

– Это не так просто, Люба.

– Всё всегда непросто. Но есть вещи, которые нельзя делать. Нельзя воровать у жены. Нельзя ставить под угрозу сына. Нельзя проигрывать жизнь семьи в карты.

– Я знаю.

– Тогда хотя бы прекрати быть его мамочкой.

– Что?

– «У него проблемы», «ему тяжело», «он запутался». Ты всё время объясняешь, почему Семён поступает плохо, будто хорошее объяснение делает поступок лучше.

Из детской донёсся смех Максима. Он смотрел мультфильм и пока не понимал, что наша семья разваливается прямо у него над головой.

Я встала и налила себе воды.

– Если Давид привезёт его, я поговорю с ним. Серьёзно поговорю.

– И что скажешь?

– Что так больше не будет.

– Он уже слышал это.

– Значит, услышит ещё раз. – Люба посмотрела на меня с жалостью, которая разозлила сильнее любых слов. – Не надо так смотреть.

– Как?

– Будто я дура.

– Ты не дура. Ты любишь человека, который пользуется твоей любовью. Это иногда выглядит похоже, но всё-таки не одно и то же.

Мы уложили Максима почти в десять. Он несколько раз спросил, когда вернутся папа и дядя Давид. Я отвечала, что скоро, а потом сидела на краю его кровати и гладила по волосам, пока дыхание сына не стало ровным.

В половине двенадцатого в замке повернулся ключ.

Я вскочила, Люба поднялась следом.

Дверь распахнулась.

Первым вошёл Давид. На скуле у него темнела ссадина, ворот куртки был порван, а на правой руке виднелась кровь.

За ним появился Семён. Я не сразу узнала мужа.

Лицо распухло, один глаз почти закрылся, нижняя губа была рассечена. Он держался за стену и тяжело дышал, а рубашка на груди была испачкана кровью.

– Господи, – выдохнула я.

Подбежала к нему, но Семён отстранился.

– Не надо. Всё нормально.

– Ты себя видел?

– Видел.

– Где ты был?

– Не сейчас, Наташ.

Эти слова окончательно сорвали во мне то, что ещё держалось.

– Нет, именно сейчас! Ко мне приходили какие-то бандиты, угрожали твоему сыну и требовали почти три миллиона. Ты забрал все деньги из дома, снял кредитные средства, исчез, а теперь опять говоришь мне «не сейчас»?

– Не ори. Макса разбудишь.

– Ты ещё смеешь указывать мне, как разговаривать в собственном доме?

– В нашем доме.

– Ты сегодня едва его не проиграл!

Семён дёрнулся, словно хотел шагнуть ко мне, но пошатнулся. Давид подхватил его под локоть.

– Сядь, – приказал он.

– Убери руки.

– Тогда стой сам.

– Не командуй мной.

– Если бы ты умел командовать собой, мы бы сейчас не разговаривали.

Семён резко повернулся к нему.

– Я тебя не просил лезть.

– Конечно. Ты просто сидел связанный и ждал, пока они решат, какую часть тебя отправить жене первой.

У меня похолодело внутри.

– Что?

Семён бросил на Давида яростный взгляд.

– Заткнись.

– Нет, подождите, – я встала между ними. – Какие ещё

части? Что там произошло?

– Ничего, – ответил Семён. – Мы договорились.

– О чём?

Он провёл ладонью по разбитому лицу и поморщился.

– Мне дали срок.

– До завтра?

– Больше.

– Сколько?

– Месяц.

– И где ты возьмёшь почти три миллиона за месяц?

Семён посмотрел на меня, потом на Давида.

– Подпишу контракт.

Я не сразу поняла, о чём он говорит.

– Какой контракт?

– Военный.

– Ты собираешься уехать?

– Это единственный способ быстро заработать.

– Три миллиона за месяц тебе никто не заплатит.

– Есть выплаты. Подъёмные. Боевые. Закрою большую часть, остальное потом.

– Ты вчера говорил Максиму, что поедешь на войну, и уже тогда всё решил?

– Я рассматривал варианты.

– А со мной обсудить не хотел?

– Ты бы начала отговаривать.

– Разумеется, начала бы! У тебя ребёнок, Семён. У тебя

семья.

– Именно поэтому я должен ехать.

Я рассмеялась, хотя мне совсем не было смешно.

– Ты сначала проиграл наши деньги, потом занял у бандитов, а теперь выставляешь себя человеком, который жертвует собой ради семьи?

– Я не выставляю.

– У нас нет денег даже на экипировку. Как ты поедешь?

Он отвёл глаза.

Я всё поняла раньше, чем он заговорил.

– Нет.

– Наташ…

– Даже не проси.

– Мне нужно собраться. Нужны нормальные ботинки, бронежилет, аптечка, ещё кое-что.

– У нас нет денег.

– Возьми кредит.

Люба тихо выругалась у меня за спиной.

Я смотрела на мужа и не верила, что он произнёс это всерьёз.

– Ты уже снял почти полмиллиона с моих карт.

– Я верну.

– Когда?

– Как только придут выплаты.

– А если не придут?

– Придут.

– Ты каждый раз говоришь, что деньги придут. Что отыграешься. Что вернёшь. Что всё исправишь. А потом я открываю шкаф и обнаруживаю, что ты забрал последнее.

Семён сжал челюсть.

– Я не заставляю тебя. Не хочешь помогать – не надо.

Он повернулся, собираясь уйти в комнату.

– Куда ты?

– Спать.

– Мы не закончили.

– А я закончил.

Давид шагнул ему наперерез.

– Вернись и поговори с женой.

– Не лезь в мою семью.

– Ты сам меня в неё втянул, когда позволил этим людям прийти к её дому.

Семён посмотрел на него исподлобья.

– Я сказал, не лезь. Или ты только этого и ждал?

Давид застыл.

– Чего?

– Возможности снова изображать хорошего мужика перед Наташей.

У меня болезненно сжался желудок.

– Семён, замолчи.

– А что? Он всегда рядом. Чуть у нас проблемы – Давид уже здесь. Деньги даст, кран починит, ребёнка развлечёт. Удобно устроился.

– Ты сейчас говоришь человеку, который только что вытащил тебя из жопы?

– Я бы сам разобрался.

Давид усмехнулся, но в его глазах не было ничего весёлого.

– Ты даже стоять без помощи не можешь.

– Это моя жена. Не забывайся.

В кухне стало нечем дышать. Сёма ревновал меня к человеку, которого сам снова и снова звал разбираться со своими бедами.

– Давид, – тихо сказала я, – пожалуйста, оставь нас. Он посмотрел на меня так, будто хотел возразить. – Здесь Люба. Мы справимся.

– Ты уверена?

– Да.

Это была ложь, но другой возможности остановить их не осталось. Давид надел куртку. У двери задержался и посмотрел на Семёна.

– Если ещё раз люди Лиса подойдут к Наташе или Максиму, я сам закончу то, что они сегодня начали.

– Угрожаешь?

– Предупреждаю.

Он ушёл. Семён проследил за ним, потом усмехнулся разбитыми губами.

– Защитник хренов.

– Если бы не он, ты бы не вернулся.

– Вернулся бы.

– Конечно. Ты же всегда со всем справляешься.

Я прошла в ванную, достала аптечку и вернулась. Семён сел на кухне, опустив голову. Когда я начала обрабатывать рассечённую бровь, он болезненно поморщился.

– Осторожнее.

– Терпи.

Он взял меня за запястье.

– Наташ, я правда всё исправлю. Съезжу, заработаю и вернусь. Начнём сначала.

Я смотрела на его разбитое лицо и вспоминала того Семёна, которого полюбила. Весёлого, сильного, уверенного. Он умел так смотреть, что хотелось поверить любому слову.

– Это последний раз, – сказала я.

– Последний.

– Я возьму кредит, но все карты и документы будут у меня. Ты больше не играешь. Никогда.

– Клянусь.

– Не клянись. Просто сделай.

Он притянул меня к себе и уткнулся лицом в живот.

Я положила ладонь ему на волосы, чувствуя не облегчение, а тяжёлую, липкую тревогу.

Через неделю банк одобрил мне кредит.

Я купила Семёну экипировку, оплатила сборы и отдала ему всё, что осталось.

На вокзале Максим крепко обнимал его за шею и просил

скорее вернуться. Семён целовал сына, обещал привезти настоящий военный бинокль и говорил, что теперь у нас всё будет хорошо.

Я стояла рядом и улыбалась, потому что не хотела плакать при ребёнке.

Давид приехал проводить друга, но держался в стороне. Они почти не разговаривали после той ночи. Перед посадкой Семён всё-таки подошёл к нему.

– Присмотри за ними.

– Присмотрю.

– Только не слишком усердствуй.

Давид долго смотрел на него, а потом ответил:

– Ты хотя бы сейчас можешь не быть идиотом?

Семён усмехнулся и хлопнул его по плечу, будто между ними не произошло ничего серьёзного.

Когда автобус тронулся, Максим побежал рядом, махая рукой.

– Папа! Папа, пока!

Я поймала сына и прижала к себе.

Семён смотрел на нас через стекло. В последний момент поднял ладонь, а потом автобус повернул и исчез за зданием вокзала.

– Он скоро вернётся? – спросил Максим.

– Скоро.

Давид стоял рядом, засунув руки в карманы. На его лице уже почти зажила ссадина, оставшаяся после спасения Сё-

мы.

– Ты ему веришь? – спросила я.

– В чём?

– Что он заработает и всё исправит.

Давид посмотрел туда, где скрылся автобус.

– Нет, – сказал он и направился к машине.

Я пошла следом, стараясь не думать о кредите, угрозах и том, что на сборы мужа снова пришлось занимать деньги.

Семён уехал спасать нашу семью, только почему-то после его отъезда мне стало ещё страшнее.

Глава 8. Давид

После отъезда Семёна прошло почти два месяца, а денег его семья так и не увидела.

Сначала он звонил часто. Рассказывал, что обживается, ругался на плохую связь, обещал, что подъёмные вот-вот перечислят. Наташа слушала его, задавала вопросы про питание, форму и здоровье, а потом напоминала о кредите, который нужно было платить уже в следующем месяце.

Семён каждый раз отвечал одинаково:

– Наташ, ну не начинай. Я же не в отпуск уехал. Как только деньги придут, сразу всё отправлю.

Потом звонки стали короче. После исчезли совсем.

Он присылал сообщения раз в несколько дней, объясняя, что находится на задании и не может разговаривать, а Наташа цеплялась за эти редкие слова, словно они доказывали, что муж по-прежнему помнит о семье.

Я не пытался её разубеждать.

Во-первых, не имел права. Во-вторых, сам не понимал, что происходит. Семён выходил со мной на связь ещё реже, чем с женой. На прямые вопросы о деньгах отшучивался или злился, говорил, что я превратился в его вторую жену и скоро начну требовать фотографии с геолокацией.

Мне хотелось схватить его через телефон и хорошенько встряхнуть.

Наташа ждала, Максим скучал, а Семён снова вёл себя так, будто его семья была чем-то несокрушимым.

В субботу утром мне позвонила Наташа.

– Давид, ты случайно не разбираешься в кранах?

Я сидел в машине возле части и собирался ехать домой после ночного дежурства. Устал так, что глаза закрывались, но при звуке её голоса сразу взбодрился.

– В каких именно?

– В тех, из которых вода течёт.

– Очень подробное техническое описание.

– Я учитель истории, а не сантехник. У меня кран на кухне не закрывается, а аварийная служба сказала ждать до вечера.

– Перекрой воду.

– Хорошо.

– Буду через двадцать минут.

– Нет, я не поэтому позвонила. Просто хотела спросить, может, знаешь кого-то рукастого...

– Знаю. Это я.

Возле магазина я остановился за новым смесителем.

Заодно купил продукты.

Не потому, что считал Наташу неспособной прокормить семью. Просто в прошлый приезд отметил в холодильнике пачку масла, молоко и половину кастрюли супа. Для двух человек, один из которых растущий пятилетний мальчик, выбор был небогатый.

Пакеты я оставил в багажнике. Если занести всё сразу, На-

таша начнёт спорить.

Она открыла дверь в домашних брюках и старой футболке Семёна, которую использовала вместо домашней одежды. Волосы были собраны в небрежный пучок, на щеке темнела полоска пыли.

Такой я видел её редко.

Без строгой блузки, макияжа и привычной настороженности она выглядела моложе. Почти как та девушка, которую Семён однажды привёл к нам на встречу и представил своей невестой.

Тогда мне понадобилось меньше минуты, чтобы понять, что я пропал.

– Почему ты с коробкой? – спросила Наташа.

– Потому что старый кран проще похоронить, чем лечить.

– Ты его даже не посмотрел.

– Я и так знаю о его состоянии.

Она посторонилась, пропуская меня внутрь.

– Я перекрыла всё, что нашла, – сообщила она. – Только теперь вода ещё и в ванной пропала.

– Потому что ты перекрыла общий стояк.

– Я такая глупая...

– Нет, Наташа, ты просто девочка.

Я достал инструменты и полез под раковину.

Максим появился через несколько минут. Он был в пижаме с динозаврами и держал в руках тот самый танк, который мы собирали перед отъездом Семёна.

– Дядя Давид, а ты зачем к нам приехал?
– Кран чинить.
– А потом поиграешь со мной?
– Если мама разрешит.
– Мама разрешит, – уверенно заявил он.
– Мама, вообще-то, здесь.
– Разрешишь?
Она посмотрела на сына, потом на меня.
– После завтрака. Максим ещё ничего не ел.
– Я не хочу кашу.
– Ты её даже не пробовал.
– Я вчера пробовал.
– Сегодня другая.
– Она такая же.

Я слушал их спор, откручивая старый смеситель, и чувствовал странное, почти болезненное спокойствие.

Обычная кухня. Женщина, которая уговаривает ребёнка позавтракать. Мальчик, который придумывает причины не есть кашу. Запах кофе и звук воды в трубах.

Я никогда не представлял себя семейным человеком. Мне нравилась служба, порядок, возможность сорваться в любой момент и не объяснять никому, почему меня не будет несколько дней. Отношения заканчивались, едва женщины начинали говорить о совместной жизни.

Я убеждал себя, что просто не создан для брака.

Правда была проще – я не хотел чужой семьи, потому что

много лет смотрел на ту, которая должна была стать моей.

– Дядя Давид, а папа тебе звонит? – спросил Максим.

Рука с ключом замерла.

– Иногда.

– А мне почему не звонит?

– У него плохая связь.

– Мама тоже так говорит.

Наташа стояла у плиты спиной к нам, но я заметил, как напряглись её плечи.

– Значит, так и есть, – ответил я.

– Он обещал прислать мне бинокль.

– Пришлёт.

– Когда?

Я посмотрел на Максима и не нашёл слов. Детям тяжело объяснить, что взрослые иногда раздают обещания просто потому, что в момент произнесения самим хочется им верить.

– Когда сможет, – сказала Наташа, ставя перед сыном тарелку. – Садись и ешь.

Максим вздохнул так, словно на его долю выпало самое тяжёлое испытание, но послушно забрался на стул.

Я закончил с краном, открыл воду и проверил соединения.

– Готово.

– Сколько я тебе должна? – спросила Наташа.

– Нисколько.

– За кран.

– Нисколько.

– Давид, я видела ценники в магазине.

– Значит, знаешь, что он недорогой.

– Я тебе переведу.

– Не надо.

Она скрестила руки на груди.

– Я не люблю быть должной.

– Ты мне ничего не должна.

– Ты уже помогал с Сёмой, теперь купил кран, постоянно приезжаешь…

– Я друг семьи.

Слова прозвучали привычно и правильно.

Друг семьи.

Удобное определение, за которым можно было спрятать всё остальное.

Наташа несколько секунд смотрела на меня, потом отвела глаза.

– Тогда хотя бы останься на завтрак.

– Я не ем кашу.

Максим вскинул голову.

– Видишь, мама? Дядя Давид тоже её не ест.

– Дядя Давид взрослый и может портить себе желудок, как хочет. А ты ешь.

– Несправедливо.

– Жизнь вообще несправедливая штука, – заметил я.

– Не помогай мне его воспитывать, – сказала Наташа, но улыбнулась.

Я остался. Для меня она пожарила яичницу.

После завтрака мы с Максимом устроили сражение в его комнате. Он командовал танком, я отвечал за машинки, которым по непонятной причине полагалось атаковать военную технику. Максим придумывал правила на ходу и каждый раз менял их, когда начинал проигрывать.

Через полчаса он сидел у меня на спине и кричал, что взял в плен главного врага.

– Пленных надо кормить, – напомнил я.

– Кашей?

– Тогда лучше расстреляй.

Наташа рассмеялась в дверях.

Я повернул голову и поймал её взгляд.

Она смотрела на нас тепло, но через секунду выражение лица изменилось. Появилась знакомая тревога, которую я замечал каждый раз, когда мы с Максимом становились слишком близки.

Шесть лет назад Наташа выбрала Семёна. Вернулась к нему, вышла замуж, родила ребёнка и построила семью. Я принял её решение, хотя иногда это принятие больше напоминало медленную пытку.

Максим называл папой другого мужика, а я был долбанным дядей Давидом, который приезжал на праздники, приносил подарки и никогда не оставался слишком надолго.

Только теперь Семён уехал, и границы начали стираться.

– Максим, отпусти дядю Давида, – сказала Наташа. – Он после дежурства.

– Ты устал? – спросил мальчик.

– Немного.

– Можешь поспать у меня. Я дам тебе подушку с динозавром.

– Щедрое предложение.

– Только вечером мы пойдём кататься на велосипеде.

Я посмотрел на Наташу.

– У него велосипед есть?

– Старый. Маленький уже, колени почти до руля достают.

– Папа обещал новый купить, – добавил Максим. – Когда станет богатый.

Наташа прикрыла глаза.

Я осторожно снял мальчика со спины.

– Значит, купит, раз обещал.

Глава 9. Давид

Позже, когда Максим ушёл смотреть мультфильм, я вернулся к машине за пакетами.

Наташа обнаружила меня в прихожей с продуктами и сразу нахмурилась.

– Это что?

– Еда.

– Я вижу, что не стройматериалы. Зачем ты всё это купил?

– По пути было.

– У тебя по пути случайно оказался магазин, а там случайно набралось два пакета?

– Примерно так.

– Забери.

– Я не понесу обратно.

– Тогда я переведу деньги.

– Не переведёшь.

– Давид, прекрати.

Она говорила сердито, но я видел, что за злостью скрывался стыд. Наташе было тяжело принимать помощь, потому что она привыкла справляться сама и считала любое признание слабости поражением.

– Слушай, я получил премию, – соврал я. – Купил лишнего.

– Сразу детские хлопья, йогурты и яблочный сок?

– Люблю хлопья с динозаврами.

– Я серьёзно.

– Я тоже.

Она тяжело вздохнула.

– Мне перечислят аванс на следующей неделе.

– Хорошо.

– И я всё верну.

– Конечно.

Не вернёт, потому что я не скажу сумму.

В тот день я уехал только под вечер. По дороге заехал в магазин и купил Максиму велосипед. Не дорогой, но хороший, с крепкой рамой и регулируемым сиденьем.

Передать его от своего имени я не мог.

Семён просил присмотреть за семьёй, но вряд ли обрадовался бы, увидев, как другой мужчина выполняет его обещания сыну.

Поэтому я позвонил Лёхе.

– Есть дело.

– Судя по тону, опять связанное со Смирновыми.

– Нужно отвезти велосипед.

– Куда?

– К Наташе.

– Сам не можешь?

– Скажешь, что это от Семёна. Будто он попросил купить и передать.

Лёха помолчал.

– Давид, ты понимаешь, что это уже нездоровая история?

– Отвезёшь?

– Отвезу. Только однажды она всё равно узнает, кто покупал продукты, переводил деньги и исполнял обещания её мужа.

– Не узнает.

– Ты либо самый благородный человек из всех, кого я знаю, либо самый большой идиот.

– Второе.

– Хоть здесь не споришь.

Через несколько дней мне позвонил Семён.

– Это ты купил?

Я вышел из кабинета, чтобы никто не слышал разговор.

– Что именно?

– Не придуривайся. Велик Максу.

– Он ждал.

– Я бы сам купил.

– Когда?

– Деньги скоро придут.

– Ты два месяца это говоришь.

– У нас задержка.

– У всех или только у тебя?

Семён шумно выдохнул.

– Не начинай, Давид.

– Ты хоть знаешь, что Наташа платит кредит из своей зарплаты? После всех платежей у неё почти ничего не остаётся.

– Я отправлю.

– Когда, чёрт возьми?

– Как только смогу.

– Ты говорил с сыном последний раз две недели назад.

– Здесь не санаторий. У меня нет возможности каждый вечер по видеосвязи сказки читать.

– Сообщение отправить тоже возможности нет?

– Чего ты от меня хочешь?

– Чтобы ты вспомнил, что у тебя есть семья.

– Я помню.

– Тогда веди себя соответственно.

На том конце повисла пауза.

– Ты слишком много времени проводишь у меня дома.

– Потому что тебя там нет.

– Я попросил присмотреть, а не заменить меня.

– Тебя невозможно заменить, Семён. Для этого сначала нужно хотя бы присутствовать.

Он грязно и грубо выругался.

– Не лезь к Наташе.

– Ты сейчас серьёзно?

– Более чем. Я тебя знаю.

– Тогда должен знать, что я никогда не перейду черту.

– Какую именно?

От его тона внутри поднялась злость.

На секунду показалось, что он знает. О той ночи. О Максиме. О том, что все эти годы происходило у него под носом.

– Ту, которую ты сам давно перестал замечать, – ответил я.

– Не строй из себя святого.

– Я и не строю. Просто будь мужиком и начни помогать собственной жене.

– Я, сука, без тебя разберусь.

Он отключился.

В следующие недели я стал приезжать реже.

Передавал деньги через Лёху, просил подписывать переводы как помощь от сослуживцев, иногда оставлял пакеты у Любиной двери, а она уже заносила их Наташе, утверждая, что купила по акции слишком много.

Люба быстро поняла, кто стоит за её внезапной щедростью.

Однажды она сама позвонила.

– Давид, ты знаешь, что Наташа скоро начнёт подозревать меня в ограблении супермаркета?

– Почему?

– Потому что ни один нормальный человек не покупает по акции десять килограммов мяса и четыре пачки детского творога.

– Придумай что-нибудь.

– А может, хватит прятаться?

– Люба.

– Что? Она имеет право знать, кто ей помогает.

– Нет.

– Почему?

Я долго молчал.

Потому что Наташа и так смотрела на меня с чувством вины. Потому что любая помощь от меня превращалась для неё в напоминание о прошлом, о котором мы не говорили. Потому что я не хотел покупать право находиться рядом.

– Просто не говори ей.

Люба вздохнула.

– Хорошо. Но долго так продолжаться не может.

Она ошибалась.

Так могло продолжаться годами. Я умел ждать и довольствоваться тем немногим, что мне позволяли.

Редкими звонками, фотографиями сына, возможностью починить кран и уехать прежде, чем почувствую себя частью их дома.

Через четыре месяца после отъезда Семёна связь с ним стала почти невозможной. Наташа писала мне всё чаще, спрашивала, не знаю ли я чего-нибудь, но я отвечал, что служба есть служба, и поводов для паники пока нет.

Сам я уже начинал тревожиться.

Семён не отвечал восемь дней. Ни мне, ни Наташе, ни матери.

Я звонил знакомым, пытался выяснить хоть что-то через сослуживцев, но получал одинаковые ответы: находится на задании, подробностей нет.

На девятый день утром пришло сообщение от Лёхи.

«Позвони мне. Срочно».

Я набрал его номер прямо из коридора части.

– Что случилось?

– Ты один?

– Да.

– Мне только что звонил знакомый из штаба. По группе Смирнова пришла информация.

Я почувствовал, как холодеет спина.

– Какая информация?

Лёха замолчал, словно не знал, как произнести следующие слова.

– Они пропали, Давид. Связи нет уже больше недели. Группу ищут, но пока безрезультатно.

Я прислонился к стене.

Перед глазами возникла Наташа у окна. Максим с новым велосипедом. Семён, уезжающий на автобусе и обещающий вернуться богатым.

– Что значит «пропали»?

– То и значит. Пока официального статуса нет. Родным ещё не сообщали.

– Он мог попасть в госпиталь?

– Мог.

– В плен?

– Всё возможно.

– Когда будет точная информация?

– Не знаю.

После разговора я долго стоял в пустом коридоре с телефоном в руке.

На экране высветилось новое сообщение.

От Наташи.

«Давид, Семён тебе не звонил? У меня очень плохое предчувствие».

Я перечитал её слова несколько раз.

Сказать правду означало напугать её раньше времени.

Солгать означало снова стать одним из мужчин, которые решают за неё, что она должна знать.

Я набрал ответ, удалил, написал другой и тоже стёр.

Потом посмотрел на фотографию Максима, которую Наташа прислала несколько дней назад. Он сидел на новом велосипеде, улыбался и держал большой палец вверх.

Его отец пропал. Муж Наташи пропал.

А я стоял в коридоре и думал только о том, что теперь мне придётся поехать к ним и произнести вслух слова, после которых их жизнь уже не будет прежней.

Глава 10. Наташа

В тот день Давид приехал ко мне среди недели, около четырёх часов, когда я только вернулась из школы и собиралась забирать Максима из детского сада.

Он не позвонил заранее, хотя обычно всегда предупреждал.

– Ты что-то узнал?

– Давай я сначала зайду.

– Семён жив?

Давид сжал челюсть.

– Наташа, не в подъезде.

Я посторонилась, но не пригласила его пройти дальше прихожей.

– Говори здесь.

– Я не знаю, жив он или нет.

Слова прозвучали спокойно. Именно поэтому стали ещё страшнее.

– Что значит «не знаешь»?

– Группа, с которой находился Семён, не выходит на связь больше недели. Их ищут.

– Он говорил, что будет на задании.

– Да.

– Тогда почему ты приехал с таким лицом?

– Потому что ситуация серьёзная.

– Насколько серьёзная?

Давид провёл ладонью по затылку и посмотрел в сторону. Он мог стоять под огнём, спокойно разговаривать с людьми, которые угрожали сломать ему руки, и вытаскивать избитого друга из подвала, но сейчас ему было трудно посмотреть мне в глаза.

Значит, всё хуже, чем он говорил.

– Официально Семён пока числится пропавшим без вести, – наконец произнёс он. – Родственникам ещё не сообщили, потому что идут поиски.

– Откуда тогда знаешь ты?

– Через знакомых.

– И давно?

– Сегодня узнал.

– Ты уверен, что это правда? Может, он ранен и лежит в госпитале? Может, у него забрали телефон?

– Может.

– Или Сёма попал в плен.

– Такой вариант тоже рассматривают.

– Почему ты сразу говоришь про плохое? Их же ищут? Если человек не звонит неделю, это не значит, что он погиб.

– Я не сказал, что погиб.

– Но ты так думаешь.

Давид сделал шаг ко мне, но я подняла руку.

– Не надо.

– Наташ…

– Мне нужно забрать Максима.

– Я отвезу.

– Не надо. Я сама.

– Ты сейчас не в состоянии садиться за руль.

– Я каждый день сажусь за руль в разном состоянии. Ничего, доезжаю.

– Тогда поедем вместе.

Я хотела возразить, однако посмотрела на ключи в своей руке и поняла, что не помню, когда успела их достать.

В саду Максим выбежал к нам весёлый и разгорячённый после игры. Воспитательница застегнула ему куртку, сунула мне в руки аппликацию и напомнила, что завтра нужно принести цветную бумагу.

– Мама, смотри, я сделал ракету!

– Красиво.

– Это не просто ракета, она может долететь до Луны. А почему дядя Давид приехал?

– Решил нас проведать.

Максим радостно обнял его.

– А папа тебе звонил?

Я застыла.

Давид присел перед сыном и поправил ему шапку.

– Пока нет.

– Он так долго на задании?

– Иногда задания затягиваются.

– А там есть интернет?

– Не везде.

– Я ему фотографию велосипеда отправил, а он не посмотрел.

– Обязательно посмотрит, когда появится связь.

Максим удовлетворился ответом и побежал к выходу. Дети верили взрослым легко, потому что ещё не знали, как часто мы говорим то, во что сами хотим поверить.

По дороге домой он без остановки рассказывал про ракету. Давид задавал вопросы, а я сидела на пассажирском сиденье и смотрела на дорогу, хотя перед глазами появлялся Семён.

Не тот, каким он уехал. Другой.

Молодой, загорелый, в гражданской одежде, с бутылкой шампанского и букетом ромашек. Он пришёл ко мне на первое свидание и заявил, что розы дарят мужчины без фантазии, а ромашки – люди с серьёзными намерениями.

Позже признался, что денег на розы просто не хватило.

Я тогда смеялась так сильно, что пришлось остановиться посреди улицы.

Он умел меня смешить.

Последние годы я вспоминала об этом редко. Проигранные деньги, ложь и постоянное ожидание очередной беды заслонили человека, которого я когда-то любила. Теперь же память словно испугалась, что потеряет его окончательно, и принялась возвращать всё хорошее.

Как Семён носил меня на руках через лужи, хотя сам про-

мокал до колен.

Как сидел возле роддома ночью, потому что его не пустили внутрь.

Как держал крошечного Максима и плакал от счастья.

Я смотрела на Семёна с ребёнком на руках и ненавидела себя за то, что обманула человека, который в тот момент казался самым счастливым на свете.

Сейчас я цеплялась за эту вину, словно она могла удержать его среди живых.

Дома Давид приготовил ужин, потому что я несколько раз открыла холодильник и забывала, зачем пришла. Он нашёл макароны, разогрел котлеты, посадил Максима за стол, а я сидела напротив и следила за телефоном.

– Мам, ты не ешь, – заметил сын.

– Не хочется.

– Ты заболела?

– Немного устала.

– А дядя Давид останется ночевать?

Я подняла глаза.

– Зачем?

– Чтобы тебе не было страшно.

– Мне не страшно.

Максим посмотрел с недоверием.

– Ты всё время телефон держишь. Когда боишься, ты всегда его держишь.

Давид перестал есть, я положила телефон на стол.

– Просто жду звонка от папы.

– Он сегодня позвонит?

– Не знаю, солнышко.

Давид встал, подхватил сына со стула и понёс в комнату.

– Давай покажешь мне свою новую дорогу.

Когда они ушли, я взяла телефон и снова позвонила Семёну.

Абонент был недоступен.

Я набрала ещё раз, будто со второй попытки он обязан был появиться там, где был. Потом написала сообщение:

«Сёмочка, пожалуйста, ответь. Хоть одно слово».

До этого я злилась. Отправляла ему сухие вопросы о деньгах, напоминала о сыне, иногда писала, что устала тащить всё одна.

Теперь ничего из этого не имело значения.

Пусть деньги останутся проигранными, пусть кредит висит на мне ещё пять лет, пусть он приедет без копейки, влезет в новые долги и снова пообещает исправиться.

Только бы вернулся.

Я понимала, насколько это глупо. Люба сказала бы, что страх снова заставляет меня оправдывать Семёна. Но любовь не становилась логичной только потому, что человек причинил тебе боль.

Я любила мужа.

Любила Давида.

По-разному, неправильно, мучительно, но от этого не

меньше.

И сейчас один мужчина сидел в соседней комнате с моим сыном, а второй исчез там, куда отправился спасать нас от собственных ошибок.

Глава 11. Наташа

Давид вышел через несколько минут и сел напротив.

– Максим строит дорогу. Сказал, что справится без меня.

– Он чувствует, что что-то происходит.

– Дети всегда всё чувствуют.

– Что мне ему сказать?

– Пока ничего. Официальных известий нет.

– А если Сёма погиб?

– Не говори так.

– Ты ведь думал об этом.

– Конечно, думал.

– И что тогда?

Он смотрел на меня молча.

– Что я скажу Максиму? – продолжила я. – Что его папа уехал заработать денег и не вернулся? Что он погиб из-за долгов, которые сам сделал? Как объяснить пятилетнему ребёнку, что человек может любить семью и одновременно разрушать её?

– Никак. Такие вещи и взрослые не всегда понимают.

– Я должна была остановить его.

– Как?

– Не брать кредит. Не покупать экипировку. Позвонить его матери, командованию, кому угодно.

– Он всё равно уехал бы.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что это Семён. Если он что-то решил, его невозможно остановить.

– Тебе удалось вытащить его из того подвала.

– Потому что там у него не было выбора.

– Значит, не нужно было давать ему выбора.

Давид наклонился вперёд.

– Наташа, послушай. Ты не виновата в том, что он играл. Не виновата в долгах. Не виновата в том, что он подписал контракт.

Я опустила взгляд.

Он не знал всей правды.

Моя вина началась не с кредита и не с отъезда Семёна.

Она началась до свадьбы, когда я проснулась в постели его друга и поняла, что уже никогда не смогу быть честной женой.

– Я много чего сделала неправильно.

– Все делают.

– Не все потом годами врут мужу.

Слова едва не вырвались наружу целиком. Мне пришлось прикусить язык.

Давид напрягся.

Мы снова оказались возле той самой границы, которую не переходили шесть лет.

– О чём ты? – спросил он тихо.

Я посмотрела ему в глаза.

Он давал мне возможность сказать.

Не требовал, не подталкивал, просто ждал.

Если бы я произнесла имя Максима, наша жизнь изменилась бы прямо сейчас. Давид перестал бы быть другом семьи, а я уже не смогла бы прятаться за молчанием.

Но Семён пропал.

Признаться в его отсутствие казалось новым предательством.

– О деньгах, – ответила я. – Я знала, что он снова играет, но скрывала от его матери.

Давид откинулся на спинку стула.

– Понятно.

По его лицу невозможно было определить, поверил ли он.

– Галина Петровна знает, что Семён пропал? – спросила я.

– Пока нет.

– Нужно сказать.

– Рано.

– Это её сын.

– И пока нет официальной информации, незачем заставлять её переживать.

– Я сама ей позвоню.

– Наташа.

– Не решай за меня.

Он тяжело вздохнул.

– Хорошо. Только не по телефону. Я отвезу тебя завтра.

– Почему завтра?

– Потому что уже поздно, а ты сейчас на грани.

– Я в порядке.

– Ты не съела ни кусочка, пять раз позвонила на выключенный номер и последние полчаса разминаешь пальцами салфетку.

Я посмотрела на смятый комок в руке и положила его на стол.

– Иди домой, Давид.

– Я останусь.

– Не нужно.

– Нужно.

– Сёме бы это не понравилось.

– Сейчас не время думать, что понравилось бы Семёну.

– А мне не нравится, когда ты здесь остаёшься.

Это была ложь.

Мне нравилось слишком сильно.

Рядом с ним становилось спокойнее. Я знала, что Давид проверит дверь, уложит Максима, ответит на звонок, если я не смогу. Именно поэтому не хотела, чтобы он оставался.

– Хорошо, – сказал он после паузы. – Посижу, пока вы не уснёте, и уеду.

В ту ночь я почти не спала.

Лежала, смотрела на телефон и прислушивалась к звукам из кухни. Давид ходил тихо, один раз проверил дверь, потом долго разговаривал с кем-то вполголоса.

В семь утра ему позвонили.

Я стояла возле плиты и готовила Максиму завтрак, когда телефон завибрировал на столе. Давид увидел номер и сразу вышел в коридор.

Вернулся через несколько минут.

– Мне нужно ехать.

– Их нашли?

– Пока нет.

– Что тебе сказали?

– Нашли место, где группа попала под обстрел. Идёт проверка.

– Тела нашли?

– Не все.

У меня подогнулись ноги, и я схватилась за стол.

Давид подхватил меня, прижал к себе. Я уткнулась лицом ему в грудь и несколько секунд позволяла держать меня, потому что иначе упала бы.

Из комнаты вышел Максим.

– Мам, почему ты плачешь?

Я оттолкнулась от Давида, быстро вытерла лицо.

– Всё хорошо.

– Ты опять устала?

– Да.

– А дядя Давид тебя обидел?

– Нет, – ответила я. – Он никогда меня не обижал.

Давид отвернулся.

Следующие три дня превратились в ожидание.

Я ходила на работу, вела уроки, ставила оценки и отвечала ученикам, а телефон лежал рядом на столе. Люба помогала, когда я забывала, в каком классе должна быть, приносила кофе и не позволяла оставаться одной.

Галина Петровна, узнав об исчезновении сына, сначала закричала, что это ошибка. Потом обвинила военных, командование, государство и, наконец, меня.

– Я говорила, не пускай его! – рыдала она. – Ты жена или кто? Не могла удержать собственного мужа?

Я слушала и не спорила.

Каждое её слово попадало точно в ту боль, которую я сама растравляла внутри.

На четвёртый день к школе подъехала военная машина.

Я увидела её из окна учительской.

Рядом стояла Люба и что-то рассказывала про контрольные, но голос подруги исчез. Весь мир за стеклом двигался, а я смотрела, как из машины выходят двое мужчин в форме.

Один из них был Давид. Он поднял голову и увидел меня в окне.

Я поняла всё до того, как они вошли в школу.

Дверь учительской открылась. Давид вошёл первым. За ним появился незнакомый офицер с папкой в руках.

Я попятилась.

– Наталья Ивановна Смирнова? – спросил он.

– Нет.

Мужчины замерли.

– Вы ошиблись, – продолжила я. – Это не я.

Люба схватила меня за руку.

– Наташа…

– Пусть уходят.

Давид подошёл.

– Мне очень жаль.

– Не говори.

– Наташ…

– Я сказала, не говори!

Офицер открыл папку.

– Ваш муж, Семён Викторович Смирнов, погиб при выполнении боевого задания.

Я закрыла уши ладонями, но услышала каждое слово.

Тело опознали. Дата гибели. Соболезнования. Помощь семье. Какие-то документы.

Я смотрела на губы офицера и не понимала, как он может произносить всё это таким обычным человеческим голосом.

Семён не мог погибнуть.

Он должен был вернуться, отдать долги и купить Максиму обещанный бинокль. Мы должны были поссориться из-за денег, потом помириться. Я должна была однажды набраться смелости и рассказать ему правду.

Теперь он умер, так и не узнав, что Максим не его сын.

Умер, считая меня женой, которой можно доверять.

Я почувствовала руки Любы, услышала голос Давида, но уже не могла разобрать слов.

Пол ушёл из-под ног.

Последнее, что я увидела перед тем, как потерять сознание, – лицо Давида.

Он смотрел на меня с такой болью, словно вместе с Семёном погибло всё, что мы ещё могли спасти.

Глава 12. Давид

Люба подхватила Наташу с одной стороны, я – с другой, но ноги её уже не держали, она безвольно осела между нами. Офицер с папкой отступил, освобождая место.

– Воды принесите! – распорядилась Люба. – И медсестру позовите, только быстро!

Я поднял Наташу на руки и уложил на старый диван возле окна. Она была пугающе бледной, губы потеряли цвет, а ресницы дрожали, будто даже без сознания она пыталась убежать от услышанного.

Мне хотелось наклониться, прижать её к себе и сказать, что произошла ошибка.

Не потому, что я верил в ошибку, а потому что не знал, как иначе смотреть на женщину, у которой только что отняли мужа.

Моего друга, человека, которого я ещё недавно вытаскивал из подвала, ругал за долги и провожал на вокзале. Я злился на Семёна столько времени, что почти забыл: за всеми его поступками стоял человек, с которым мы прошли училище, первые командировки в горячие точки и те годы, когда каждый из нас был уверен, что смерть существует где-то далеко и обязательно выбирает кого-нибудь другого.

Теперь Семёна не было, а я всё ещё чувствовал злость.

За Наташу, за Максима, за долги, кредит, обещания и

страх, который он оставил после себя.

Наверное, на мёртвых нельзя злиться? Но у меня не получалось перестать.

В учительскую вбежала женщина в белом халате, за ней появилась молоденькая учительница с бутылкой воды. Медсестра попросила всех отойти, проверила пульс Наташи и поднесла к её носу ватку с нашатырём.

Наташа застонала, дёрнула головой и открыла глаза. Сначала посмотрела на потолок, потом на Любу и только после этого увидела меня.

– Это неправда, – произнесла она.

Я опустился перед диваном.

– Наташ…

– Скажи, что они ошиблись.

В комнате находилось человек восемь, но никто не издал ни звука.

– Идентификация проведена, – осторожно начал офицер.

Наташа резко повернула голову.

– Я не вас спрашиваю.

Он замолчал, и она снова посмотрела на меня.

– Давид, ты его знаешь. Ты сам говорил, что Семён всегда выкручивается. Скажи им, что он не мог погибнуть.

Я мог соврать ещё один раз. Уверенно произнести, что всё нужно перепроверить, что документы иногда путают, что закрытый гроб ещё ничего не доказывает.

Но в последнее время было столько вранья от Семёна, что

добавлять ещё и моё было преступлением.

– Я видел документы, – ответил я. – Ошибки нет.

Наташа закрыла глаза. По её щеке медленно скатилась слеза. Она не всхлипнула, не закричала, просто лежала и дышала так, словно каждый вдох причинял боль.

– А тело? – спросила она через несколько секунд.

– Доставят через два дня.

– Я хочу его увидеть.

Офицер снова заговорил:

– Наталья Ивановна, состояние останков не позволяет провести обычное прощание. Гроб будет закрытым.

Она посмотрела на него непонимающе.

– Как это – не позволяет?

– Был сильный обстрел.

– Но вы говорите, что его опознали.

– По личным вещам, жетону и результатам экспертизы.

– Значит, я должна поверить бумаге и похоронить закрытый ящик?

– Наташа, – Люба села рядом и обняла её за плечи, – сейчас не надо об этом думать.

– А когда надо? Через два дня? У меня два дня, чтобы объяснить сыну, что его отец умер, выбрать гроб, кладбище и одежду для похорон. Интересно, какую одежду выбирают, если гроб закрытый?

Голос у неё оставался спокойным, но от этого становилось страшнее.

Медсестра попросила принести сладкий чай и начала рассказывать о давлении, покое и таблетках. Наташа слушала её с отстранённым выражением, будто женщина говорила не с ней.

Я вышел в коридор и позвонил Лёхе.

– Нужна помощь с похоронами.

Он подхватился сразу:

– Скажи, что делать.

– Узнай по месту на военном кладбище, транспорту и документам. Наташу не дёргай, всё через меня.

– Понял. Ты сам как?

Я посмотрел на детей, столпившихся возле кабинетов. Они притихли, провожая меня любопытными и испуганными взглядами. Наверняка слух уже разлетелся по всей школе.

– Потом.

– Давид, он был и моим другом.

– Я знаю.

– Его матери уже сообщили?

– Нет. Сейчас поеду к ней.

– Один?

– Наташу отвезу домой. Потом заеду к Галине Петровне.

Лёха выругался себе под нос.

– Она тебя с говном сожрёт.

– Пусть.

Когда я вернулся, Наташа уже сидела. Люба держала её за руку, медсестра измеряла давление, а офицер раскладывал

документы на столе.

– Я ничего сейчас подписывать не буду, – сказала Наташа.

– Сегодня от вас ничего не требуется. Мы оставим контакты, с вами свяжутся по вопросам выплат и организации похорон.

При слове «выплат» Наташа вздрогнула.

– Да идите вы к чёрту со своими выплатами!.

– Наталья Ивановна, существуют установленные законом…

– Я сказала, мне ничего от вас не нужно.

Офицер замолчал.

Я видел, что он не хотел причинить ей боль. Он просто выполнял работу, которую никто не согласился бы выполнять добровольно.

– Мы разберёмся потом, – вмешался я. – Оставьте бумаги мне.

Он кивнул, сложил документы в папку и протянул её.

Наташа посмотрела на меня.

– Почему тебе?

– Потому что сейчас ты не обязана этим заниматься.

– А ты обязан?

Я не нашёл, что ответить.

Обязан ли друг устраивать похороны человека, на которого злился до самой его смерти? Обязан ли отец, не имеющий права называться отцом, объяснять мальчику, почему больше не вернётся тот, кого он всю жизнь называл папой?

Нет.
Но если не я, то кто?

Глава 13. Давид

До дома Смирновых мы ехали втроём. Люба сидела сзади и всю дорогу что-то писала в телефоне, отменяя Наташины уроки, разговаривая с директором и договариваясь, чтобы Максима забрали из сада позже.

Возле подъезда Наташа неожиданно попросила:

– Давайте сначала заедем за сыном.

– Не надо, – возразила Люба. – Ты хоть немного придёшь в себя.

– Я должна сказать ему сама.

– Не сегодня.

– А когда? Он спросит, где папа. Что мне отвечать?

Я остановил машину, но не заглушил двигатель.

– Наташ, давай я заберу Максима и привезу позже.

– Нет.

– Ты сейчас еле сидишь.

– Он мой сын.

– Никто не спорит.

– Тогда не решайте за меня, когда мне с ним разговаривать.

Она открыла дверь. Я вышел следом.

До сада Наташа дошла сама, хотя я видел, что ноги у неё дрожат. У входа она остановилась, достала зеркальце и попыталась привести лицо в порядок. Вытерла размазавшуюся

тушь, собрала волосы, несколько раз глубоко вздохнула.

– Нормально выгляжу? – спросила она.

Люба ничего не ответила.

– Наташенька…

– Он не должен испугаться.

– Ты выглядишь нормально, – соврал я.

Максим выбежал из группы с рисунком в руках.

– Мама! А я сегодня…

Он замолчал, увидев нас троих.

– Что случилось?

– Ничего, – быстро ответила Наташа. – Мы решили забрать тебя пораньше.

– А папа позвонил?

Она замерла.

Я видел, как ей трудно заставить себя дышать.

– Дома поговорим, солнышко.

Максим сразу насторожился.

– Он не вернётся?

Дети иногда задавали вопросы, к которым взрослые готовились часами, а потом всё равно не находили ответа.

Наташа присела перед ним и взяла за руки.

– Папа погиб.

Мальчик нахмурился.

– Как дедушка Витя?

– Да.

– Совсем?

Наташа прижала его к себе.

– Совсем.

Максим не заплакал. Сначала просто стоял в её объятиях, потом отстранился и посмотрел на меня.

– Дядя Давид, мама ошиблась?

Я опустился рядом.

– Нет, боец.

– Но папа обещал приехать.

– Я знаю.

Я посмотрел на Наташу. Она уже плакала, не скрывая слёз.

Максим подумал, а потом вдруг ударил меня маленьким кулаком в плечо.

– Ты же тоже военный, дядя Давид! Почему ты его не спас?

Удар почти не чувствовался, но я не отстранился.

– Не смог.

– Ты всегда всё можешь!

– Не всегда.

Он ударил ещё раз, потом ещё, пока Наташа не попыталась его остановить.

– Не трогай, – сказал я.

Максим бил меня и плакал, захлёбываясь, повторяя, что папа обещал, что взрослые должны выполнять обещания, что он не хочет закрытый гроб и не будет больше кататься на велосипеде.

Я позволял ему.

Если для того, чтобы пережить эту минуту, мальчику нужно было найти виноватого, я подходил лучше остальных.

В машине он уснул, уткнувшись лицом Наташе в бок. Она гладила его по волосам и смотрела в окно.

– Может, побудете сегодня у меня? – предложила Люба.

– Нет. Максим должен спать дома.

– Тогда я у вас переночую. Наташа, я не оставлю тебя одну.

– Я тоже останусь, – сказал я.

Она подняла глаза.

– Зачем?

– На всякий случай.

– Какой ещё случай может произойти хуже этого?

Я не ответил.

Люба открыла дверь, и мы поднялись в квартиру. Максим проснулся, когда я брал его на руки, но только обхватил меня за шею и снова закрыл глаза.

Я отнёс его в детскую, раздел и уложил на кровать.

Мальчик во сне нахмурился. Такой же складкой между бровями хмурился я сам, и каждый раз, замечая это сходство, чувствовал одновременно счастье и боль.

Мне хотелось сказать ему, что он не остался без отца, что где-то рядом существует мужчина, готовый отдать за него всё.

Но это было не моё решение. И уж точно сейчас не время.

На кухне Люба заставляла Наташу выпить чай.

– Мне нужно позвонить Галине Петровне, – сказала Наташа.

– Я сам съезжу, – предложил я.

– Она должна услышать от меня.

– После того, как обвинила тебя в отъезде Семёна?

– Она его мать.

– Поэтому я и поеду.

– Давид, пожалуйста. Хватит решать.

Я сел напротив.

– Хорошо. Поедем вместе.

До дома Галины Петровны добирались почти час. Люба осталась с Максимом. Наташа всю дорогу молчала, только сжимала в руках платок, который сунула ей подруга.

Свекровь открыла не сразу.

– Что случилось? – спросила она, увидев нас. – Почему Семён не отвечает?

Наташа побледнела. Я вошёл первым, чтобы она не упала прямо на лестнице.

– Давайте пройдём в комнату.

– Не надо мне указывать, куда проходить в собственной квартире. Где мой сын?

– Галина Петровна…

Она посмотрела на моё лицо и вдруг отступила.

– Нет.

– Сегодня пришло официальное подтверждение.

– Нет!

– Семён погиб при выполнении задания.

Она схватилась за дверной косяк.

– Вы врёте.

– К сожалению…

– Вы оба врёте!

Галина Петровна повернулась к Наташе.

– Что ты натворила?

– Мама…

– Не называй меня мамой! Я говорила тебе не отпускать его? Говорила, что он поехал из-за твоих бесконечных претензий и долгов?!

Я шагнул между ними.

– Долги сделал Семён.

– Замолчи! Ты всегда его ненавидел, потому что завидовал. Он создал семью, а ты так и остался один.

Удар пришёлся точно, но я только сжал кулаки.

– Сейчас не время.

– А когда время? Когда его в землю закопают?

Наташа стояла за моей спиной.

– Я пыталась его остановить, – сказала она едва слышно.

Галина Петровна услышала.

– Плохо пыталась! Хорошую жену муж не бросает и на войну за деньгами не уезжает. Это ты его довела. Ты вечно была недовольна: денег мало, дома его нет, ребёнком не занимается. Допилила, сука?

– Хватит, – произнёс я.

– Ты мне рот не закрывай!

– Тогда я выведу Наташу.

– Забирай! Тебе только этого и надо было. Дождался, пока друг погибнет, и уже рядом с его женой крутишься!

Наташа вздрогнула. Я видел, как обвинение попало в неё, как напомнило о том, о чём мы оба старались не думать.

– Галина Петровна, вы потеряли сына, поэтому я сейчас промолчу, – сказал я. – Но если ещё раз назовёте Наташу виноватой, разговор будет другим.

– Угрожаешь матери своего друга?

– Защищаю его жену.

– От кого? От правды?

Наташа развернулась и вышла.

Я догнал её возле подъезда. Она дошла до скамейки и села, закрыв лицо руками.

– Не слушай её.

– Она права.

– Нет.

– Я взяла кредит. Собрала его. Не остановила.

– Он взрослый мужчина.

– Он уехал из-за долгов.

– Которые сделал сам.

– А если бы я раньше ушла от него? Если бы перестала давать деньги и верить обещаниям, он, может быть, одумался бы.

– Или уехал раньше.

Она подняла голову.

– Ты всегда его оправдывал, а теперь оправдываешь меня.

– Я никого не оправдываю. Просто не позволю тебе взять на себя чужую вину.

Меня самого оправдать было некому. Смерть Семёна не освобождала меня.

Она навсегда оставляла между мной и Наташей человека, которого мы оба предали ещё при жизни и которого теперь уже невозможно было попросить о прощении.

Глава 14. Наташа

На снимке Сёма был в форме, серьёзный и красивый, хотя в жизни почти никогда так не смотрел. Обычно улыбался широко, немного нахально, словно заранее знал, что ему простят любую выходку.

Я стояла посреди ритуального зала и пыталась понять, как человек мог превратиться в фотографию.

Теперь вместо него передо мной стоял закрытый гроб.

Мне говорили, что так будет лучше.

Не нужно смотреть.

Нужно запомнить его живым.

Только я не хотела запоминать Семёна красивым мужчиной с официальной фотографии. Хотела увидеть его настоящего. Убедиться, что внутри лежит именно он, а не чужой человек, чьё имя по ошибке вписали в документы.

– Наташ, не стой здесь одна, – тихо сказала Люба.

Она подошла и накинула мне на плечи пальто, хотя в помещении было тепло.

– Я не одна.

– Ты понимаешь, о чём я.

За спиной двигались люди, переговаривались вполголоса, расставляли цветы. Давид с самого утра решал вопросы с кладбищем, транспортом и военными. Он почти не подходил ко мне, но я всё время чувствовала его рядом.

Если кто-то требовал от меня документы, появлялся Давид.

Если звонил телефон, он отвечал.

Если люди спрашивали, куда поставить венки или когда выезжать на кладбище, смотрели на него.

Мой муж лежал в гробу, а обязанности главы семьи выполнял другой мужчина.

От этой мысли становилось стыдно, хотя сил отказаться от помощи у меня не было.

– Где Максим? – спросила я.

– С моей сестрой в машине. Я сказала, что приведу его позже.

– Почему не сейчас?

– Потому что ему пять лет. Пусть побудет подальше от всей этой суеты.

– Он хочет попрощаться с папой.

– Попрощается перед выездом.

Я посмотрела на подругу.

– Ты тоже решаешь за меня?

Люба сжала губы.

– Я пытаюсь помочь. Ты уже три дня почти не спишь, ничего не ешь и вздрагиваешь от каждого телефонного звонка. Прости, что не позволяю пятилетнему ребёнку несколько часов смотреть, как его мать разрывается на части.

– Я не разрываюсь.

– Конечно. Ты просто стоишь и смотришь на гроб так, буд-

то собираешься открыть его голыми руками.

Я отвернулась.

Эта мысль действительно приходила мне в голову.

Ночью я проснулась от уверенности, что Семён жив. Не приснился, не привиделся, а именно жив. Где-то далеко, раненый, без документов и связи. Он пытается добраться домой, а мы собираемся похоронить чужое тело.

Потом вошла Галина Петровна.

Её вели под руки две женщины. Свекровь была в чёрном платке и длинном пальто, а за последние несколько дней словно постарела лет на десять. Увидев гроб, она издала страшный, нечеловеческий звук и бросилась вперёд.

– Сыночек! Сёмочка!

Люди расступились.

Галина Петровна упала возле гроба на колени, прижалась лицом к крышке и зарыдала так громко, что у меня заложило уши.

– Как же ты меня оставил? Кто тебя туда отпустил? Кто позволил тебе уехать?

Я закрыла глаза, Люба взяла меня за локоть.

– Не подходи пока.

– Я должна.

– Ты ничего ей не должна.

Но я всё равно пошла. Галина Петровна услышала мои шаги и подняла голову. Её лицо было мокрым от слёз, платок съехал набок.

– Это ты, – произнесла она.

Я остановилась.

– Галина Петровна…

– Ты его убила.

В зале стало тихо.

– Не надо сейчас, – попросила я.

– А когда надо? Когда его закопают? Ты ведь этого хотела. Вечно была им недовольна, вечно пилила, требовала деньги. Он из-за тебя туда поехал!

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Давид оказался рядом раньше, чем я успела ответить.

– Галина Петровна, успокойтесь.

– А ты вообще молчи! – она резко поднялась, оттолкнув женщин, которые пытались помочь. – Тоже хорош. Друг называется. Крутился вокруг его жены, пока Сёмочка жизнью рисковал.

– Сейчас похороны вашего сына. Не превращайте их в скандал.

– Я превращаю? Это она должна была лежать там вместо него!

Люба громко ахнула.

Я смотрела на свекровь и ничего не чувствовала. Ни боли, ни злости. Только усталость.

Возможно, она была права.

Не в том, что мне следовало умереть, но во всём остальном.

Я знала об азартных играх мужа и всё равно давала ему деньги. Брала кредиты. Верила обещаниям. Купила экипировку и проводила на войну.

Если бы я отказалась, Семён мог остаться дома.

Если бы ушла после первого проигрыша, ему некого было бы спасать и не перед кем изображать героя.

Если бы шесть лет назад я не вернулась к нему после ночи с Давидом, наша жизнь сложилась бы иначе.

Семён не воспитывал бы чужого ребёнка, не пытался бы обеспечить семью, построенную на моей лжи.

– Простите меня, – сказала я.

Давид резко повернул голову.

– Наташа, не надо.

– А что мне остаётся? Её сын умер.

– Это не твоя вина.

– Не тебе решать! – закричала Галина Петровна. – Ты её покрываешь, потому что только и ждал, когда Семёна не станет.

Давид шагнул к ней, и я схватила его за руку.

– Не надо.

Он посмотрел на мои пальцы на своём запястье и остановился.

– Уведите Галину Петровну, – потребовала Люба. – Ей плохо, она не понимает, что говорит.

– Всё я понимаю! – свекровь указала на меня дрожащей рукой. – Она ещё на похоронах моего сына с его другом об-

жимается. Вы ещё сексом займитесь на его гробу.

Я сразу отпустила Давида. Он не позволил мне отойти, обнял за плечи и повернулся к Галине Петровне.

– Ещё одно слово, и вы будете прощаться с сыном отдельно от остальных.

– Ты меня выгонишь?

– Если понадобится.

Свекровь снова зарыдала, но женщины всё-таки увели её в сторону. Люди зашевелились, заговорили, делая вид, что ничего не произошло.

Давид развернул меня к себе.

– Пойдём отсюда.

– Куда?

– На улицу. Тебе нужно подышать.

– Скоро прощание.

– До него ещё полчаса.

Он вывел меня через боковую дверь. На улице моросил мелкий дождь, холодный ветер бросил в лицо влажные капли.

Я вдохнула полной грудью, но легче не стало.

– Мы обязаны до конца жизни делать вид, что ничего не случилось шесть лет назад?

Он резко посмотрел на меня.

– Тише.

– Боишься, что кто-нибудь услышит?

– Боюсь, что ты скажешь то, о чём потом пожалеешь.

Я уже жалела.

О той ночи.

О свадьбе.

О каждом дне молчания.

Но сильнее всего – о том, что смотрела сейчас на Давида и хотела прижаться к нему. Не как вдова, которой нужна поддержка. Как женщина, слишком долго запрещавшая себе думать о нём.

Глава 15. Наташа

Прощание прошло как в тумане.

Военные говорили о мужестве и долге. Стреляли в воздух. Кто-то передал мне сложенный флаг. Я держала Максима за руку, пока он смотрел на гроб и шептал, что папа там не поместится, потому что он высокий.

Когда гроб начали опускать, сын вдруг вырвался и бросился вперёд.

– Папа! Папочка!

Давид успел перехватить его возле могилы. Максим бился в его руках, плакал и тянулся к гробу.

– Отпусти! Папа там! Он боится темноты!

Я не смогла подойти, ноги не слушались.

Давид прижал сына к груди, говорил что-то тихое, а я смотрела на них и думала, что человек, которого Максим называл отцом, уходит под землю, а настоящий отец держит его на руках.

Эта мысль была такой чудовищной, что меня затошнило.

После похорон мы сидели за поминальным столом. Люди вспоминали Сёму и говорили, что время лечит.

Я не понимала, откуда они это знают.

Люба следила, чтобы я ела. Давид занимался гостями, разговаривал с военными, выводил Галину Петровну на улицу подышать, когда она снова начинала обвинять меня.

Вечером мы приехали домой. Я стояла у окна и смотрела на тёмный двор.

– Останься сегодня у меня, – сказала я Давиду. – Максим может проснуться ночью, а я не знаю, что ему говорить.

– Хочешь, я останусь, – предложила Люба.

– Ты завтра работаешь.

– И что?

– У тебя уроки.

– Наташ, после всего, что случилось, директор переживёт моё отсутствие.

Мне стало стыдно, потому что я позвала именно Давида не из-за Максима.

Мне нужен был он.

Его голос, руки и спокойствие. Хотелось хотя бы одну ночь не чувствовать, как вина и одиночество затягиваются на шее.

– Люба, езжай домой, – сказал Давид. – Я переночую в гостиной.

Подруга посмотрела сначала на него, потом на меня.

– Хорошо. Но если что-то понадобится, звони сразу.

Когда дверь за ней закрылась, мы остались вдвоём.

– Я постелю тебе на диване, – сказала я.

– Сам справлюсь.

– Ты всегда сам справляешься.

– Почти всегда.

Я достала из шкафа постельное бельё. Давид забрал его

из моих рук, и наши пальцы соприкоснулись.

Он отдёрнул руку первым.

– Иди спать, Наташа.

– Я не усну.

– Хотя бы ляг.

– Побудь со мной немного.

Он смотрел на меня тяжело, будто просьба причиняла ему боль.

– Я никуда не ухожу.

Мы сели на кухне.

Я налила чай, но не сделала ни глотка. Давид молчал, не задавал вопросов и не пытался утешать. За это я была благодарна сильнее всего.

Около полуночи из комнаты позвал Максим.

Мы вошли одновременно.

Сын сидел в кровати, прижимая к груди медведя.

– Мне папа приснился, – сказал он.

– Что он говорил? – спросила я, садясь рядом.

– Что заблудился и не может найти дорогу домой.

У меня перехватило дыхание.

Давид включил ночник и присел с другой стороны.

– Это просто сон, дружище.

– А вдруг он правда заблудился?

– Папа уже не вернётся, – произнесла я, заставляя себя говорить спокойно.

Максим нахмурился.

– Ты не знаешь.

– Знаю.

– Гроб был закрытый. Может, там не папа.

Я посмотрела на Давида.

Он тоже побледнел.

– Почему ты так говоришь? – спросил он.

– Бабушка сказала тёте, что Наташа похоронила неизвестно кого. Я слышал.

Я прижала сына к себе.

– Бабушка была расстроена и говорила неправду.

– А если правду?

– Максим, хватит.

Он заплакал. Я обняла его крепче, но слова сына уже поселились внутри.

Закрытый гроб, опознание по жетону, личным вещам и экспертизе.

Я не видела мужа. Не убедилась лично.

Давид словно понял, о чём я думаю.

– Не надо, – тихо сказал он. – Ошибки быть не могло.

– Я ничего не сказала.

– Но подумала.

– Максим тоже подумал.

– Потому что услышал слова Галины Петровны.

Я уложила сына, легла рядом и ждала, пока он заснёт. Давид сидел в кресле возле кровати, и постепенно дыхание Максима выровнялось.

Утром я проснулась от запаха кофе.

На кухне Давид готовил завтрак, а Максим сидел за столом и рассказывал ему про динозавров. Обычная домашняя сцена, которой не должно было быть на следующий день после похорон моего мужа.

Я остановилась в дверях.

Давид обернулся.

– Как ты?

– Не знаю.

– Садись. Поешь.

– Ты всю ночь не спал?

– Немного поспал.

– В кресле?

– Нормальное кресло.

Максим поднял голову.

– Мама, дядя Давид сделал блины.

– Я вижу.

– Они почти не подгорели.

– Это комплимент, – пояснил Давид.

Я села за стол и впервые за несколько дней смогла съесть несколько кусочков.

Время всё-таки шло.

Не лечило, а просто двигало дни вперёд, не спрашивая, готова ли я.

Через неделю я вернулась в школу. Давид приезжал по выходным. Сначала говорил, что нужно закончить документы,

потом чинил что-нибудь в квартире, забирал Максима гулять, привозил продукты.

Я больше не спрашивала, зачем он это делает.

Прошло четыре месяца.

Боль не исчезла, но я научилась с ней жить. Я уже могла произносить имя Семёна без слёз, разбирать его вещи и смотреть фотографии. Максим всё реже спрашивал, когда папа вернётся, хотя иногда по вечерам всё ещё стоял возле окна.

В конце мая в школе проходил последний звонок.

Я надела тёмно-синее платье, которое Люба заставила купить ещё зимой. Подруга накрасила меня в учительской и заявила, что вдовство не обязывает женщину превращаться в бесплотный призрак.

– Ты красивая, – сказал Максим, когда увидел меня.

Он напросился посмотреть на линейку, и я взяла его с собой на работу в этот день.

– Спасибо.

– А дядя Давид тоже придёт?

– Не знаю. Я его не приглашала.

Он пришёл.

Появился в актовом зале перед самым началом, в костюме по гражданке, с букетом для меня и маленькой машинкой для Максима.

– Цветы зачем? – спросила я.

– Учебный год закончился.

– Он каждый год заканчивается.

– Значит, буду каждый год дарить.

Люба, стоявшая рядом, хитро улыбнулась и увела Максима к сцене. Я догадалась, что это она позвала Давида. Впрочем, я была этому рада.

После праздника мы втроём вернулись домой и поужинали. Максим быстро уснул, уставший от музыки и сладостей, а Давид помог мне собрать посуду со стола.

– Спасибо, что пришёл, – сказала я.

– Меня Максим пригласил.

– Конечно. Только ради него.

– А ты хотела, чтобы ради тебя?

Я замерла.

Давид стоял возле раковины, закатав рукава рубашки. За последние месяцы мы стали ближе, но всё равно прошлое стояло между нами невидимой стеной.

– Не знаю, чего хочу.

– Узнаешь – скажешь.

– А ты?

– Что я?

– Знаешь, чего хочешь?

Он выключил воду.

– Да.

– И чего?

Давид медленно подошёл.

Я не отступила.

Он остановился так близко, что я чувствовала тепло его тела и запах парфюма. Взгляд опустился на мои губы, потом снова поднялся к глазам.

– Не заставляй меня говорить, – произнёс он.

– Почему?

– Потому что потом уже ничего не получится вернуть назад.

– А ты хочешь вернуть?

– Я хочу сделать всё правильно.

– Мы с тобой давно ничего не делаем правильно.

Его ладонь поднялась к моему лицу, но остановилась, не коснувшись.

Сердце билось так сильно, что мне казалось, он слышит.

Я закрыла глаза.

В этот момент раздался звонок в дверь.

Мы отшатнулись друг от друга.

– Поздно уже, – сказала я.

Давид нахмурился.

Звонок повторился, теперь длиннее и настойчивее.

Он пошёл первым, но я обогнала.

– Это моя квартира.

– Наташа, подожди.

Я посмотрела в глазок.

На лестничной площадке стоял мужчина.

Осунувшийся, заросший, в чужой тёмной куртке. Под глазом тянулся старый шрам, волосы стали короче, но я всё рав-

но узнала его.

Потому что мёртвого мужа невозможно не узнать.

Я открыла дверь.

Семён поднял голову и посмотрел на меня.

Живой.

– Прости, Наташ, – хрипло произнёс он. – Я не мог вернуться раньше.

За моей спиной застыл Давид.

А Семён шагнул через порог и добавил:

– Нам нужно срочно продать квартиру. Иначе они убьют нас всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.